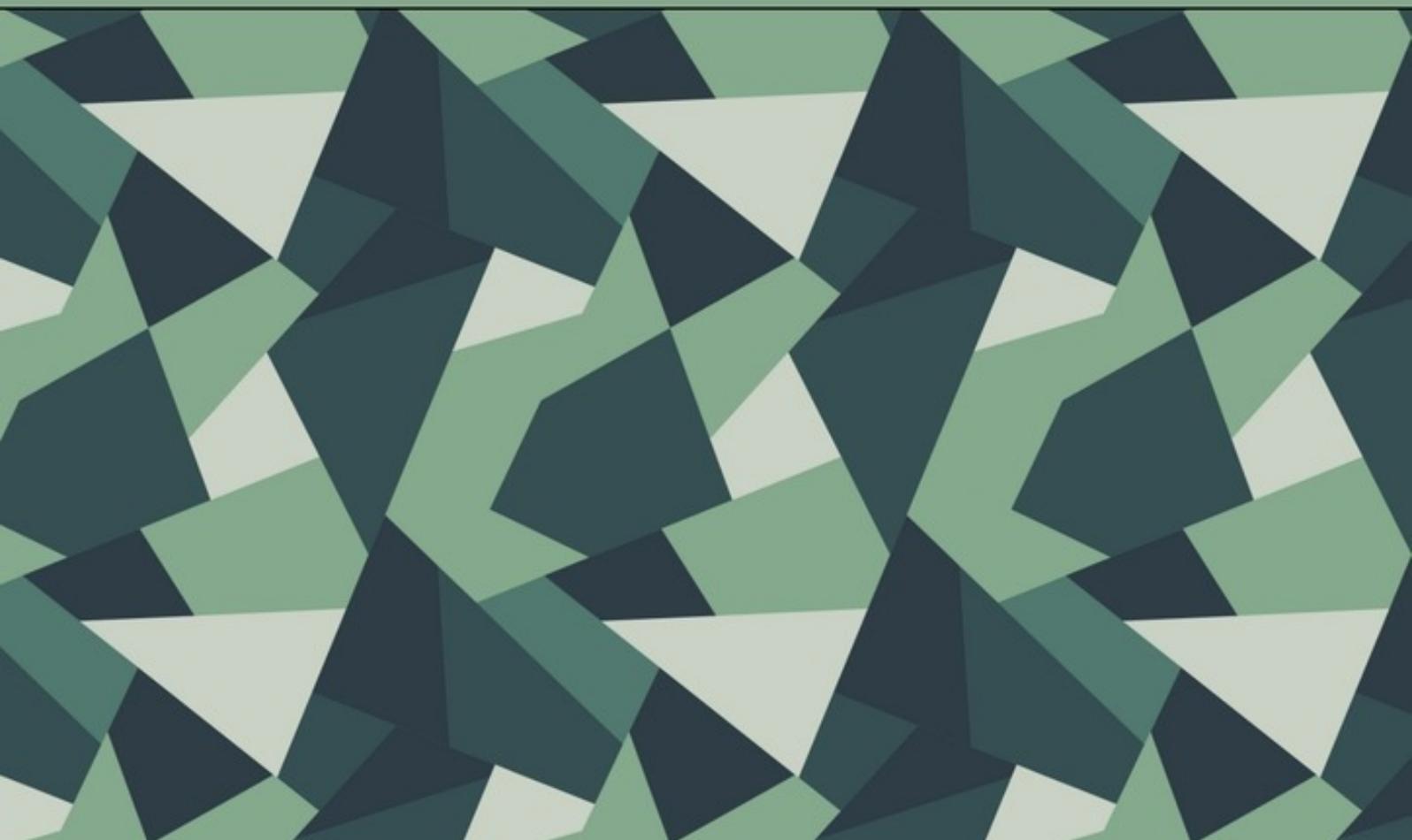

Юрий Прокопенко

*По следам
Чернобыля*

Былые надежды

Юрий Прокопенко

**По следам Чернобыля.
Былые надежды**

«Издательские решения»

Прокопенко Ю. И.

По следам Чернобыля. Былые надежды / Ю. И. Прокопенко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-850749-6

Первые годы после развала Союза сопровождались небывалыми экономическими трудностями. Герой книги профессор Белецкий настойчиво ищет пути оказания профилактической помощи детям в местах радиационного загрязнения от аварии на ЧАЭС. Казалось, что правительство было заинтересовано в таких работах, но вскоре финансирование прекратилось. Оставалось искать новые пути оказания помощи населению. О том, как все это было, можно прочесть в предлагаемой повести. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-850749-6

© Прокопенко Ю. И.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Весна 91-го	8
Глава 2. Потеплело, но лучше не стало	15
Глава 3. Накануне	21
Глава 4. Время неопределенностей	31
Конец ознакомительного фрагмента.	37

По следам Чернобыля Былые надежды

Юрий Иванович Прокопенко

© Юрий Иванович Прокопенко, 2017

ISBN 978-5-4485-0749-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

26 апреля 1986 г. произошел взрыв четвертого энергоблока Чернобыльской АЭС, расположенной на территории Украины, в результате которой был полностью разрушен атомный реактор, и в окружающую среду было выброшено большое количество радиоактивных веществ. Авария и сейчас расценивается как крупнейшая за всю историю атомной энергетики. Чернобыльская катастрофа явилась трагическим примером техногенной катастрофы, повлекшей многосторонние губительные последствия для окружающей природной среды, экологии, жизни и здоровья людей. Облако, образовавшееся от горящего реактора, разнесло различные радиоактивные материалы, по большей части территории Европы. Наибольшие выпадения отмечались на значительных территориях СССР, расположенных вблизи реактора и относящихся к территориям Белоруссии, Российской Федерации и Украины. (Авария на Чернобыльской АЭС – Википедия).

Первое сообщение об аварии на Чернобыльской АЭС появилось в советских СМИ 27 апреля, через 36 часов после взрыва на четвёртом реакторе. Началась эвакуация жители Припяти. В общей сложности были эвакуированы более 115 тыс. человек из 30-километровой зоны. Запрещалось брать с собой вещи, многие были эвакуированы в домашней одежде. Чтобы не раздувать панику, сообщалось, что эвакуированные вернуться домой через три дня. Домашних животных с собой брать не разрешали. Ни 26, ни 27 апреля жителей не предупредили о существующей опасности и не дали никаких рекомендаций о том, как следует себя вести, чтобы уменьшить влияние радиоактивного загрязнения.

Лишь 28 апреля 1986 года в 21.00 ТАСС передало краткое информационное сообщение о несчастном случае на Чернобыльской атомной электростанции. Сообщалось, что один из реакторов получил повреждение и принимаются меры с целью устранения последствий инцидента. В то время как многие иностранные средства массовой информации говорили об угрозе для жизни людей, а на экранах телевизоров демонстрировалась карта воздушных потоков в Центральной и Восточной Европе. В Киеве и других городах Украины и Белоруссии проводились праздничные демонстрации и гуляния, посвящённые Первомаю. Первый секретарь КП Украины Щербицкий привел на парад своих внуков.

Для ликвидации последствий аварии в 30-километровую зону вокруг ЧАЭС стали прибывать специалисты, командированные для проведения работ на аварийном блоке и вокруг него, а также воинские части, как регулярные, так и составленные из срочно призванных резервистов. Их всех позднее стали называть «ликвидаторами». Общее количество ликвидаторов составило около 600 тысяч.

Загрязнению подверглось более 200 тыс. км. Радиоактивные вещества распространялись в виде аэрозолей, которые постепенно осаждались на поверхность земли. Загрязнение было очень неравномерным, оно зависело от направления ветра в первые дни после аварии. Наиболее сильно пострадали области, находящиеся в непосредственной близости от ЧАЭС: северные районы Киевской и Житомирской областей Украины, Гомельская область Белоруссии и Брянская область России. Радиация задела даже некоторые значительно удаленные от места аварии регионы, например Ленинградскую область, Мордовию и Чувашию – там тоже выпали радиоактивные осадки. Большая часть стронция и плутония выпала в пределах 100 км от станции, так как они содержались в основном в более крупных частицах. Йод и цезий распространились на более широкую территорию. Наибольшие концентрации цезия-137 с периодом полураспада около 30 лет обнаружены в поверхностном слое почвы, откуда он попадает в растения и грибы. Загрязнению также подверглись насекомые и животные, которые ими питаются. В городах основная часть опасных веществ накапливалась на ровных участках поверхности:

на лужайках, дорогах, крышах. В сельскохозяйственных областях в первые месяцы радиоактивные вещества осаждались на листьях растений и на траве, поэтому заражению подвергались травоядные животные. Затем радионуклиды вместе с дождём или опавшими листьями попали в почву, и в сельскохозяйственные растения, в основном через корневую систему. Значительному загрязнению подверглись леса. Из-за того, что в лесной экосистеме цезий постоянно рециркулирует, а не выводится из неё, уровни загрязнения лесных продуктов, таких как грибы, ягоды и дичь, долгое время оставались опасными. Уровень загрязнения рек и большинства озёр оставался низким. Однако в некоторых «замкнутых» озёрах, из которых нет стока, концентрация цезия в воде и рыбе ещё в течение десятилетий могла представлять опасность.

Загрязнение не ограничилось 30-километровой зоной. Было отмечено повышенное содержание цезия-137 в лишайнике и мясе оленей в арктических областях России, Норвегии, Финляндии и Швеции.

Последние дни апреля 1986 года в Москве не было дождей, впрочем, как и в течение всего апреля. Это привело к вялому росту весенней зелени, а высокая дневная температура создавала у жителей ощущение духоты и необычайной сухости. Все: и природа, и люди ждали дождя. И вот Гидромет пообещал дожди, начиная с 26 числа, но на чистом небе не было ни единой тучки. Москвичи с надеждой смотрели на небо, но, где там. Солнце нещадно, совсем не по-весеннему палило и изнуряло с непривычки, еще тепло одетых москвичей. У многих из них в руках были зонтики и на плечи накинуты плащи. В Москву дожди пришли только 30 апреля и то, они были кратковременными и какими-то ленивыми. Заждавшейся дождей растительности этих осадков явно не хватило, а слежавшаяся в углах мостовых и во дворах пыль лишь раскисла от пролитой влаги. Поднявшийся было ветер, перегонял тучи городской пыли с места на место и загонял ее в открытые окна домов, где покрывал поверхности мебели, подоконники и проникал в дыхательные пути домочадцев. У многих москвичей появились чувство «поперхивания» и сухой изнуряющий кашель, о чем они нередко говорили, встретившись друг с другом.

Зато 26 и 27 апреля дожди выпали во многих других местах на юго-западе европейской части России. При юго-западном ветре дожди покрыли значительные пространства Брянской области, в Белоруссии, на Орловщине и еще кое-где местами. Это были не простые, а рукотворные дожди. Специалисты сделали все, чтобы остановить дождевые тучи, плывшие с Припяти в сторону Москвы. Эти тучи содержали большое множество радиоактивных частиц, которые, попади они на территорию большого города с многомиллионным населением, без сомнения принесли бы катастрофический урон. Тогда то и было принято решение остановить эти смертоносные тучи, раздробив их на отдельные части и опустив в виде дождей на поверхность земли. Так образовались зараженные радиоактивными веществами обширные пятна, покрывшие леса, луга, весеннюю растительность, заразив почву и все, что на ней произрастало, и воду со всем тем, что в ней плавало. Люди, проживавшие на этих «пятнах», не составили исключение. Уже потом начались исследования уровней загрязнения почв и растительности, картографирование загрязненной территории и разработка превентивных мер по отношению проживающего на ней населения. Но сначала все оставалось как всегда. Повсюду прошли Первомайские демонстрации, люди предавались весенним радостям и выходили на ожившую после зимы природу, отдыхали, развлекались и жарили шашлыки.

Глава 1. Весна 91-го

Весна в Москве в 1991 году была на редкость несмелой, вялой и апатичной. Она не спешила прийти на смену надоевшей зимы. Уже март подходил к своей середине, а на дворе даже днем совсем не было тепла. Казалось, что редкое солнце, иногда появлявшееся в разрывах серых облаков, сплошь затянувших неприветливое московское небо, не собиралось согреть землю своими лучами. Под стать погоде было и настроение москвичей. В большинстве своем они находились в подавленном состоянии, в ожидании чего-то до сих пор неведанного, не доброго. К этому присоединялись пустые полки магазинов и постоянное чувство голода, ранее не известное москвичам. Они всегда были на привилегированном положении. Это в их город устремлялись «колбасные электрички», развозя продукты по всему Подмосковию и ещё дальше. Сейчас и этого не было. Полное недоумение на лицах покупателей, пришедших в магазины и увидевших вместо привычной еды, пустые полки и холодильные установки. В чем дело? Куда все это делось? И спросить было не у кого? А из «ящика», как ни включишь его, доносилось громкое разноголосие, убеждавшее зрителей и слушателей в необходимости происходящих перемен. Но этим сыт не будишь.

У каждого свои неприятности и сложности, а у всех одно общее подавленное чувство утраты того, на чем держалась их жизнь, утраты основ устойчивой жизни и неведение того, что их ждет впереди. Доктор Белецкий вышел из института с надеждой пообедать в каком-нибудь кафе, коих было предостаточно в центре Москвы. Он повернул из переулочка на Маросейку и направился в сторону Политехнического музея. Уже больше месяца он работал на новом месте и постепенно осваивал местные проулочки и улицы на предмет магазинов, столовых и кафе. Было обеденное время и хочешь, не хочешь, но надо что-то положить в желудок. Вот в этом кафе ему не раз удавалось получить порцию сосисок или пельменей, выпить кофе с молоком, закусив слойкой. Открыл дверь и пристроился в очередь к прилавку, за которым трудились женщины в белых халатах. Они быстро и ловко выставляли на прилавок тарелки, на которых были на выбор сосиски, пара котлет или пельмени. Иван посмотрел на лист с ценами и пришел к заключению, что все здесь вполне приемлемо. Вчера в это время ничего подобного здесь не было. Значит, сегодня ему повезло, как и многим таким же, стоявшим в очереди в этом кафе.

Пообедав, таким образом, он решил прогуляться по бульвару, спускающемуся от Политехнического музея. Присел на одну из лавочек, на которую слегка попадали робкие солнечные лучи. Здесь не было холодного ветра и можно спокойно провести остатки времени, отведенного на обеденный перерыв. Он расслабился и ни о чем не думал. Мимо проходили редкие пешеходы, которые ни чем не могли привлечь его внимание. Но вот прямо перед ним встретились два старика. Они бурно приветствовали друг друга. Было видно, что они встретились случайно и были рады этой встрече. Одеты они были в демисезонные пальто, один серого, другой черного цвета. У обладателя серого пальто на голове была такого же цвета шляпа. У того, что был в черном пальто на голове красовался черный берет. И у одно и у другого из под головных уборов высывались давно не стриженные седые волосы, что выдавало их почтенный возраст и социальный статус. Да, они оба были пенсионерами, хотя, по всей видимости, и пытались что-то противопоставить своему плачевному положению. Но, что тут придумаешь, когда тебе приближается к семидесяти, здоровье не то, и работы просто нет.

Они, почти обнявшись, присели на другой конец лавочки, на которой сидел доктор Белецкий. Иван невольно стал свидетелем их диалога.

– Здравствуй, Федор, ты здесь какими судьбами? – спросил своего друга тот, что был в шляпе.

– Да вот, понимаешь, заехал в магазин «Колбасы» что внизу. Думал купить колбаски. Жена просила. Она последнее время себя неважно чувствует, и для подкрепления здоровья было бы совсем недурно привезти ей колбасы. Где там? Пустые прилавки, лишь тушенка и то свиная. Ну, взял пару баночек. Может быть, приготовлю ей жаркое с картошкой. А ты как, Михаил, работаешь или уже нет?

– Видишь ли, я приехал сюда в Политехнический музей. Там расположено Всесоюзное общество «Знание». Я время от времени пользуюсь его услугами, езжу в командировки, читаю лекции по своей специальности. Ты знаешь, лекция стоит 10 рублей, но оплачивают не каждую, хотя за неделю командировки можно заработать до 200 рублей. Совсем не плохо, как ты думаешь? Но вот, представь себе, с нового года еще не было ни одной заявки. Говорят, на местах нет денег. Был пару недель назад, предложили приехать позже. Приехал – ничего не изменилось.

– Михаил, ведь ты же профессор. Неужели для тебя нет работы в университете или в твоём бывшем институте? Вот до чего дожили, профессора ходят, выпрашивают для себя работу. Что же будет дальше, как ты думаешь?

– Не знаю, Федя. Скорей бы уж пристать к какому-то берегу, а то болтаемся как г... в проруби. Коммунисты, демократы. Они борются за власть, а народ подыхает с голоду. Это же стыд, кому сказать, до чего докатилась жизнь в Советском Союзе. Я ведь читаю популярные лекции по социальной экономике, и что теперь я скажу моим слушателям? Может быть и лучше, что нет заявок на лекции.

– Слушай, Миша, вчера ко мне позвонил по старой дружбе товарищ, он раньше работал в Моссовете, и сейчас там вращается каким-то образом. Так знаешь, что он мне сказал?

Профессор в шляпе приблизился к лицу своего приятеля, чтобы лучше слышать, поскольку тот чуть понизил свой голос. Иван то же наострил уши. Было интересно услышать неофициальную информацию от работника Моссовета, хотя и бывшего.

– Он говорит, что это все искусственный дефицит продуктов. На складах при подъездах к Москве скопилось большое количество продуктов питания, так что уже девать некуда. Продукты начинают портиться, и их закапывают в землю рядом со складами. Как ты думаешь, такое может быть?

– Не знаю Федя. Все может быть? Только зачем это нужно?

– Я то же спросил его об этом. А он и говорит: «чтобы скомпрометировать советскую власть и поднять бунт среди народа», понимаешь?

– Народ и так не доволен. Сдастся мне, не продержится долго Горбачев. Вот предложил же ему Ельцин подать в отставку с поста президента.

– А тот что?

– А ничего, как будто это все его не касается. Твердит, что надо объединяться, создавать новый союз, в который вошли бы все республики. Вот такие то дела, Федя. Ну, ладно. Рад был встречи с тобой. Мне пора. Звони, коли что.

Они обнялись, пожали друг другу руки и разошлись в разные стороны.

«Что ж, пора и мне восвояси», – подумал Иван и, убедившись, что его соседи уже скрылись из виду, поднялся с лавочки и пошел в сторону Маросейки. Придя к себе в кабинет, он вновь развернул схему алгоритма эпиданализа, над которым он бился уже несколько дней. Пока что ничего хорошего не получалось. Вся схема состояла из отдельных, не связанных между собой элементов, а общая картина никак не хотела сложиться. Вот биохимия, вот иммунология, вот клинические анализы крови и обследования детей, но все это было в разных местах и никак не могло соединиться вместе. А должно соединиться. Иначе ничего не получится.

В дверь настойчиво постучали. Иван поднял голову и посмотрел в сторону открывшейся двери. Это была Ирина Школьникова, наглая и вызывающая молодая женщина, биохимик. Из всех сотрудников лаборатории ее место было наиболее проблематичным в общем исследовании.

довательском процессе. Это было мнение руководителя лаборатории, профессора Белецкого, но Школьников так не думала.

– Можно, шеф? – она стремительно подошла к столу и внимательно посмотрела на Ивана. – Вы гуляли? Ну и как там, ничего не заметили?

– Интересно, а что я должен был заметить?

– Конечно, как всегда, вы ничего не замечаете, кроме своих мыслей. Как там люди, их лица, как их поведение? Вы не заметили, что всех нас уже давно зомбируют?

Иван с интересом посмотрел на Ирину, и нелепая мысль о том, что она потихоньку сходит с ума, посетила его.

– Как зомбируют? Кто?

– Известно кто, КГБ. Уже не первый год, а последнее время их воздействие стало очень интенсивным. Я, например, уже несколько дней фактически не сплю, постоянные головные боли, головокружение, отсутствие аппетита и прочие симптомы, свойственные расстройству психики и нервной системы.

– Интересно, а как это им удастся? Воздействовать одновременно на большое число людей или они это делают выборочно, ну, скажем, на тебя или еще кого-то?

В рассуждениях шефа Ирина почувствовала элементы иронии и ей показалось, что доказать ему свою правоту сейчас она не сможет. Пустое дело, если человек категорически не примет эти новейшие технологии КГБ.

– А как бы они смогли получить на референдуме до 80% голосов, выступающих за сохранение СССР. Ведь мы же видим, до чего довела всех нас советская власть и как бы мы при этом голосовали за ее сохранение. Подумайте сами. Конечно, здесь тоже не обошлось без зомбирования большого числа людей. Ну, ладно, когда-нибудь вы сами все это поймете.

Ирина направилась к двери, безнадежно махнув на своего шефа рукой.

– Ирина Николаевна, погоди минутку. У меня есть к тебе вопрос или предложение.

– Предложение? Это даже интересно. Неужели мой шеф наконец-то обратил на меня внимание.

– Ты опять о своем? У меня сейчас другое предложение. Дело в том, что все твои методики жестко привязаны к биохимической аппаратуре и не могут принимать участие в выездных эпидемиологических исследованиях. Надо использовать цитохимические методы, при этом мазки крови можно получать при обследовании на месте.

– Иван Павлович, я уже говорила вам, что работаю только на своей аппаратуре, и у меня нет желания и намерений бросать все это и переходить на новые методики.

– Но ведь ты биохимик и наверняка знаешь, как можно делать цитологический анализ крови, полученной на месте.

– До свидания, – она повернулась и поспешно закрыла за собой дверь.

Через некоторое время к нему зашла его ученица Татьяна. Она все еще с большой симпатией относилась к своему шефу, хотя уже три года прошло с того момента, как защитила под его руководством кандидатскую диссертацию и уже два года как вновь вышла замуж. Но когда-то у них были довольно теплые отношения, хотя это было еще тогда, когда они работали в институте гигиены и до его отъезда в Кабул. Сейчас она была замужем за солидным человеком, «академиком». Его так называли с подачи Татьяны, но Юрий Телков, ее муж, на самом деле был доктором наук и профессором, но академиком не был. Высокий, широкоплечий, он обладал интересной внешностью и пышной шевелюрой. Он любил Татьяну и с нежностью относился к ней, несмотря на существенную разницу в их возрасте. У «академика» был один недостаток – он чрезмерно увлекался алкоголем, и это существенно мешало ему занять достойное место в научной среде.

– К тебе можно, шеф? – Татьяна вошла и опустилась на стул рядом с креслом Ивана. – Как ты, ничего? Что это Ирина выскочила от тебя как ошпаренная? Опять приставала к тебе?

– Нет, на этот раз речь шла о другом. Представляешь, она считает, что всех нас зомбирует КГБ, и при этом выглядит весьма убедительной. А выбежала она потому, что я вновь предложил ей осваивать цитохимические анализы, а она, конечно, не хочет. Ее обучили, как обезьяну, работать на этих умных приборах, прибор сам делает биохимические анализы и даже выдает распечатки. Конечно, ей совсем не хочется осваивать что-то новое. Но такая, как ты сама понимаешь, она нам совсем не нужна. Она может работать на нашу клинику и то, если лечащий врач захочет получить такие анализы для своих больных. Надо что-то придумывать.

– Я думаю, шеф, что сейчас не надо ничего придумывать. У нас новая лаборатория и дай бог наладить ее работу, как ты считаешь? А остальное приложится. Не все сразу, верно?

– В общем, ты, как всегда права, надо наладить работу, а там видно будет. Кстати, как у тебя дела в детском саду.

– Почти договорилась. Надо еще согласовать в райздраве. Думаю, возражений не будет, ведь никто за это не платит.

– Да, к сожалению, это так. И не будут платить при такой сложной обстановке. Не до здоровья сейчас, когда в магазинах пусто и страна вот-вот развалится.

– Я хотела обсудить с тобой следующий вопрос. У моего академика есть к тебе конкретное предложение с финансовым обеспечением. Он хочет встретиться с тобой и все обсудить. Ты можешь принять его?

– Конечно. Он уважаемый человек и я с интересом выслушаю его. Когда он может приехать ко мне?

– Спасибо. Я узнаю и тебе сообщу.

Татьяна вышла из кабинета.

«Что ж, может быть и стоящее предложение. Пусть приезжает» – подумал Иван, и вновь пододвинул к себе лист бумаги с начертанной на нем схемой алгоритма взаимодействия отдельных элементов его лаборатории при эпидемиологическом исследовании.

Если вспомнить совсем еще недалекое прошлое, когда доктору Белецкому в категорической форме предложили покинуть пост директора института, то станут понятными те сложности, с которыми он столкнулся на новом месте. Ему предложили создать специально под него любую лабораторию в любом институте, где это было бы приемлемо. И Иван согласился, а что ему еще оставалось делать, когда под напором партийных властей высокого уровня на его место был предложен другой человек, то же директор, и тоже профессор, даже академик, но Иван оказался менее защищенным, несмотря на прикрытие со стороны заместителя министра здравоохранения. Тогда Иван вернулся к своей давней идее, которая нашла свое начальное развитие в его докторской диссертации. Речь шла об изучении последствий на здоровье населения загрязнений окружающей среды. Это была своего рода микротоксикология, когда уровни химических веществ, действующие на организм, не столь велики, что бы вызывать в нем заболевания. Но оставаться бесследными они тоже не могли. Надо было своевременно исследовать первичные неблагоприятные изменения здоровья, пока они не переросли в устойчивые и губительные заболевания, например, такие как онкологические. В широком смысле слова, все это можно было назвать медицинской экологией. Так и сделали. Новой лаборатории доктора Белецкого дали точно такое название, оставив широкое поле для возможного маневра при выборе конкретных исследований. Саму лабораторию собрали по частям. К нему пришли Татьяна, его ученик Владимир, еще два специалиста из прежнего института и несколько лаборантов. Ему была передана кое-какая исследовательская аппаратура, персональный компьютер, расходные материалы и желание начать новое дело. С последним как раз было не все в порядке. Даже Иван, как руководитель лаборатории, чувствовал, что-то мешает ему и его коллегам эффективнее продвигать новое дело. Может быть, это была вялая затяжная весна, которая никак не могла появиться в Москве в этом году, а может быть и все то, что мы обычно

называем неопределенностью и чувство того, что все мы неизбежно теряем что-то важное, на чем строилась все последние годы наша жизнь.

Спустя несколько дней в кабинет к Ивану стремительно вошла Татьяна и предложила ему присоединиться к ней, сказав, что на Манежной площади собирается большой митинг. Иван согласился, хотя он не был большим любителем крупных и шумных зрелищ, а к политическим акциям всегда испытывал тихое, но устойчивое отвращение. После всего пережитого им уже в этом году, он не верил ни в одну из партий, поднимающих свои голоса с разных трибун. И чтобы там ни говорили красноречивые ораторы, он понимал, что за этими байками стоят в первую очередь их собственные интересы. Это была борьба за власть. И какой она будет в ближайшее время, Ивана мало интересовало. Главное, чтобы навсегда исчезла советская власть и коммунистическая партия. Против них он имел свои собственные счета.

Татьяна вцепилась в руку Белецкого, и они устремились к Манежной площади. Прошли через Красную площадь, спустились мимо исторического музея к ажурным воротам Александровского сада и ...остановились. Дальше прохода не было. Сплошная стена шевелящихся спин, переминавшихся с ног на ногу, с головами, вертящимися в разные стороны, и пытавшимся разобраться в сложившейся ситуации. Это была плотная стена толпы, собравшейся на митинг. Слева от Выставочного зала доносились отрывочные звуки каких-то призывов, не то лозунгов, смысл которых с этой точки площади разобрать не представлялось возможным. Иван потолкался на месте и почувствовал, что за его спиной настойчиво собирается народ. «Сейчас закроют все пути к отступлению, надо выбираться отсюда». Он попытался сказать об этом Татьяне, но та была уже далеко от него, не дотянуться. Иван попробовал раздвинуть толпу своим правым плечом и ему это удалось. Мало-помалу он стал выбираться из митинговой толпы. Нет, это все не для него. А когда выбрался совсем и поток людей заметно поредел, вдруг увидел своего давешнего знакомого в сером пальто и серой шляпе. Кажется, его звали Михаилом и он – профессор, читает лекции по социальной экономике. Конечно, это он.

– Простите, вас, кажется, зовут Михаил? – оказавшись лицом к лицу с пожилым незнакомцем, спросил Иван. Тот попытался было его обойти, но потом взглянул на него с недоумением.

– Мы разве знакомы? Кто вы?

– Несколько дней тому назад я стал невольным свидетелем вашей встречи с Федором. Вы сидели с ним на лавочке на бульваре недалеко от Политехнического музея и мирно беседовали. Я кое-что слышал из вашего разговора. Но это не имеет значения.

– Да, я встречался там с моим товарищем и его действительно зовут Федор. А вы кто собственно такой?

– Я – профессор медицины и работаю в институте профилактической медицины на Маросейке. А тогда был обеденный перерыв и я присел на лавочку, чтобы отдохнуть после обеда. Потом на эту лавочку присели и вы со своим приятелем.

– Очень приятно. Меня зовут Михаил Сергеевич, как Горбачева, – он иронично улыбнулся, но тут же вновь его лицо приняло серьезное выражение, – так что вы хотите от меня?

– Собственно, ничего. Там такой гвалт и ничего понять невозможно. Я едва выбрался из этой митингующей толпы и рад, что встретил вас. Думаю, не стоит вам рисковать. Ничего нового вы там не услышите, если вообще что-либо услышите или разберете. Тем более, сегодня достаточно холодно. А знаете что. Я предлагаю вам пойти ко мне в лабораторию. Я угощу вас чаем. Мы сможем вдоволь поговорить обо всем.

Михаил Сергеевич помялся немного на месте, покрутил головой в сторону толпы, потом убедившись, что Иван возможно прав, согласился с его предложением. Так состоялось знакомство с человеком, ближайший родственник которого оказал немалую роль в дальнейших научных исследованиях доктора Белецкого и его лаборатории.

Они сидели в теплом уютном кабинете профессора Белецкого и разговаривали о недалеком своем прошлом. Оказалось, что оба профессора работали на Всесоюзное общество «Знание» и даже дважды были в одних и тех же городах. Это способствовало их сближению и взаимопониманию. А когда Иван рассказал о своей проблематике, то Михаил Сергеевич с восторгом заметил, что это важное и благородное дело и что, несмотря на сложившиеся экономические и социальные трудности, надо находить возможные пути оказания профилактической помощи населению. Особенно, считал профессор, это важно для населения, проживающего в загрязненных районах страны. Он спросил у Белецкого, не занимаются ли они теми, кто остался на территории, зараженной после Чернобыльской аварии, и отметил с сожалением, что сейчас это население, особенно дети, брошены на произвол судьбы и государство совсем не заботится об их здоровье. Он был убедителен, так как подтверждал свои суждения собственным опытом, полученным во время командировок в Брянскую область. Он настоятельно рекомендовал Белецкому поинтересоваться этим вопросом, тем более что где-то есть деньги для поддержки работ на таких территориях. Но где, он точно сказать не мог.

Для Белецкого его новый знакомый оказался настоящим кладом знаний и помог по новому взглянуть на предстоящие перспективы. Вот только скорее бы все стало на свои места. Нужна сильная и разумная власть, которая взяла бы на себя все эти заботы. Кроме того, Михаил Сергеевич порекомендовал Белецкому своего племянника, Латова Владимира Константиновича, крупного химика, органика, который занимается разработкой новых биологически активных средств, способных по всей вероятности противостоять всякого рода загрязнениям окружающей среды, в том числе и радиации. Михаил Сергеевич извинился за свою неполную компетентность в этом вопросе, ведь он не химик и не медик, а всего лишь экономист и социолог, но оставил Ивану телефон своего племянника, взяв при этом согласие Белецкого на встречу с ним.

Они распрощались друзьями к их взаимному удовольствию. А уже через день Латов сам звонил Белецкому. Договорились о встрече у него в институте, и вот уже Иван дождался в холле института протеже Михаила Сергеевича.

– Здравствуйте, вы Иван Павлович Белецкий, – подошел к Ивану высокий и стройный мужчина предпенсионного возраста. Он чем-то напоминал Михаила Сергеевича. – Я таким вас и представлял себе. Мне дядя подробно вас описал. Вы ему очень понравились, потому я сразу и позвонил вам.

Иван провел его к себе в кабинет и предложил чаю с сухариками. К счастью, все это еще можно было купить в московских магазинах. Они просидели до шести вечера. К взаимному удовольствию поведали друг другу о своих соображениях, которые волновали их уже в течение ряда лет. Латов оказался крупным специалистом в области биохимии и его коньком были аминокислоты, получаемые из белковых молекул. Он объяснил Белецкому, что такие аминокислоты или как он их называл, свободные, обладают значительно большей биологической активностью, чем те, что образуются в тонком кишечнике под действием ферментов. Иван пока что плохо представлял себе, как такое может быть. Но, если это так, то такие аминокислоты могут быть очень полезными для профилактики всякого рода хронических интоксикаций, которые встречаются у людей под влиянием загрязнений окружающей среды. Остановились на том, что лаборатория Белецкого может провести исследования активности свободных аминокислот применительно к здоровью детей. Уже с осени у него начнутся такие исследования в двух детских садах Москвы. Латов, услышав об этом, почесал слегка свой затылок и заметил, что теперь его задача к этому сроку получить нужное количество свободных аминокислот. Все дело в том, что Латов преимущественно был биохимиком теоретического толка и кроме проведенных им лабораторных исследований опытных партий аминокислот, ничем другим он не обладал. Уже на следующий день Иван по-другому отнесся к полученной накануне информации: энтузиазм,

связанный с возможностью получить важные, чуть ли не сенсационные материалы заметно поубавился.

Глава 2. Потеплело, но лучше не стало

С течением времени Иван все больше уходил от того огорчения, которое он получил в январе. Но что-то осталось на душе такое, от чего становилось горько и обидно. И дело даже не в том, что он больше не директор института. Вспоминая те времена, что пролетели как вихрь в череде забот и всякого рода организационных проблем, он сейчас не мог себе представить, что же хорошего было тогда. Сейчас, по крайней мере, он свободен, предоставлен самому себе и не перед кем не отчитывается за свои дела. Потом, конечно, в конце года ему придётся отчитаться за работу лаборатории, но не сейчас. Сейчас, наконец, надо отладить отдельные элементы в структуре лаборатории и начать работать.

Но память о предательстве людей, с которыми он работал и на кого полагался всегда, нет-нет, да и напомнит Ивану своей горечью. Да и здесь, в новом коллективе он чувствовал себя не совсем уютно. Его не покидало ощущение, что его коллеги, такие же, как и он, руководители лабораторий и отделений смотрят на него как-то по-особому, как на неудачника, которого просто выгнали с его поста директора. И это придавало ему неуверенность в себе, даже когда ему пришлось рассказывать на партбюро института о своей работе за прошедшие годы. Кто-то даже задал каверзный вопрос: «И все же, почему вы ушли из института. Ведь просто так не меняют пост директора на руководителя лаборатории?» Что мог ответить на это профессор Белецкий? Объяснять все как было – это долго и скучно, и наврядли кто поверит в такие обстоятельства. Потому он ограничивался лишь тем, что так сочло нужным руководство Минздрава. Вот и думайте после этого, что хотите.

Он сам не понял, как такое могло случиться, что уже больше месяца, как он работает в институте, но еще не встал на партийный учет. Раньше он не мог себе такое позволить. Все, что касается партии, по своей важности и ответственности стояло на первом месте в жизни Ивана. И не потому, что он был ярким коммунистом, просто он считал себя ответственным человеком и таким и был. А сейчас он получил замечание от секретаря парторганизации института и напоминание в ближайшее время встать на партийный учет. Ну, конечно, какие могут быть сомнения. Завтра же он поедет в свой прежний райком, и снимется с учета.

Утром следующего дня он стучался в дверь комнаты партийного учета. Тишина. Повернул ручку двери и потянул дверь на себя. Она оказалась не запертой. Но в комнате учета никого не было. Два окошка и оба закрыты. Никаких объявлений о порядке работы. Он вышел в коридор и постучал в соседнюю дверь. Там только пожали плечами, дескать, это не их отдел. Посоветовали подождать. Иван вернулся в комнату учета и устроился на стуле в ее углу. Он вспомнил свой первый райком партии, где его принимали в партию и где он часто бывал как член партбюро института по различным делам. И когда уезжал в Афганистан и становился на учет на Старой площади. Все было покрыто таинственной тишиной и порядком, во всем чувствовалось значение партийных документов, кои они занимали в жизни партии и простых коммунистов. Что же теперь происходит? Неужели, в самом деле, это агония, последние дни? Ивану трудно было представить, как будет жить страна без партии, этого волшебного слова, к которому большинство боялись прикоснуться и многие относились с трепетом.

Окошко открылось, и сухощавое женское лицо пригласило Ивана подойти. Иван предъявил свой партийный билет и минут через десять ему выдали пухлую стопку учетных листов с печатями-отметками об уплате членских взносов. Такие учетные карточки всегда хранились в райкомах партии и при переводе в другой райком они пересылались специальной почтой. А теперь ему предложили самому передать их в тот райком, где ему следует встать на учет. Женщина даже не спросила, в какой именно райком ему следует обратиться. «А если я потеряю или у меня выкрадут эти важнейшие партийные документы?» – с недоумением спросил Белецкий сотрудницу в окошке. «Постарайтесь не потерять», – равнодушно и даже с раздра-

жением услышал Иван в ответ на свой вопрос. Он понял, что этому партийному работнику сейчас совсем не до его учетных карточек.

Ивану вдруг захотелось увидеться со своим инструктором, которая курировала его институт и с которой он много лет назад вместе работал еще на уровне комсомола. Он разыскал ее кабинет, и взглянул на табличку. Увы, вместо Родионовой, там была другая фамилия, мужская. Куда же подевался прежний инструктор. Иван постучал в дверь. В ответ тишина и дверь оказалась закрытой. Еще никогда он не покидал здание райкома партии с таким недоумением и досадой. Ему всегда казалось, что в стране может произойти все что угодно, как это и бывало порой в трагические дни, но партия останется всегда надежной и крепкой.

На столе у Ивана зазвонил телефон. Секретарь директора института сообщила ему, что его разыскивает заместитель министра здравоохранения Кондрашов и просит его прибыть завтра к 10 утра. По дороге в Минздрав, проходя мимо ажурной ограды Центробанка, Иван вдруг встретил свою сотрудницу, которая работала в те годы в его лаборатории, и с которой он однажды ездил в командировку в Братиславу. Это была довольно симпатичная, синеглазая и молодая женщина, которая не перешла с ним в новый институт. О чем Иван весьма сожалел. Она всплеснула руками, выражая, таким образом, свой восторг от неожиданной встречи. Остановились, поговорили за жизнь и как бы, между прочим, она сообщила Ивану, что идет она сейчас из Минздрава, где была на ночном дежурстве и дежурила она вместе с Маневичем, тем самым, который сыграл ведущую роль в увольнении Белецкого.

– Представляешь, он стал расспрашивать меня о тебе, какой ты человек и вообще правильно ли они поступили, что освободили тебя?

– Ну а ты что ему ответила?

– Ты еще спрашиваешь? Конечно же, я ему стала объяснять, какой ты хороший и справедливый человек, достойный во всех отношениях, что сотрудники института при нем чувствовали себя великолепно, он заботился о каждом из нас и прочее и прочее.

– Он, понятное дело, тебе не поверил. Ведь он был другого мнения обо мне.

– Да, сначала он не соглашался со мной. А потом подумал и спросил меня, как бы сомневаясь: «Может быть, мы ошиблись, и не надо было увольнять его. Но ведь не я один все это делал». Больше он мне ничего не сказал.

– Ладно, что уж теперь рассуждать. Ничего уже не поправишь.

Они постояли немного и разошлись.

В Минздраве он сообщил секретарю, что его вызывал Кондрашов. Секретарь с улыбкой, как в былые времена, пригласила его войти. За столом сидел Кондрашов, сбоку от него пристроился профессор Шацкий, тот самый, который сменил Белецкого на посту директора института. Похоже, что за прошедшие полтора месяца, он начал отращивать себе бороденку. Она была седенькой и реденькой и совсем не украшала его. Кондрашов с кем-то говорил по телефону, пытался записать что-то на листке бумаги, но тот все время убегал из-под его руки. Шацкий учтиво привстал и потянулся к убегающему листку, стал придерживать его, пока большой начальник что-то там записывал. Этот явно подбострастный жест вызвал у Ивана улыбку. Шацкий, несмотря на все свои регалии, а был он не только профессором, но и академиком, показался сейчас ему жалким холуём, бесконечно признательным Кондрашову за его помощь в трудоустройстве директором института. Закончив телефонные переговоры, Кондрашов обратился к Белецкому.

– Привет, – он протянул Ивану руку, не вставая, – как ты там?

– Пока похвастать нечем, – ответил Белецкий.

– Ну, это ничего. Не все сразу. Я тут звонил к твоему директору и просил его поддержать тебя на первых порах. Он говорил с тобой?

– Нет, пока не говорил.

– Слушай, тут вот какое дело. Ко мне обратился директор института дезинфекции, академик Шацкий, – Кондрашов головой указал в сторону Шацкого, сидевшего в углу стола, – он принес мне вот такую бумагу. Тебе она знакома? Посмотри, – он протянул ксерокопию какого-то документа Белецкому, – что ты на это скажешь?

Иван взял бумагу и углубился в ее прочтение. Это был договор о сдаче в аренду некоторых помещений института дезинфекции на срок до трех лет под размещение оборудования совместного предприятия с фирмой «Велком фондэйшн». Иван вспомнил, что действительно еще осенью шел такой разговор о возможной передаче двух комнат первого этажа института, где сейчас находились какие-то технические службы, не то мастерские для размещения оборудования будущего совместного предприятия. Но, насколько ему было известно, договор о совместном предприятии так и не был подписан, стало быть, и этот документ сейчас не имеет силы. Интересно, а кто его подписал? И кто сейчас претендует на эти комнаты?

Подпись была Цулая как заместителя директора института, а виза – Пугина, руководителя международного отдела. На договоре стояла печать института. Наверно, это было в отсутствие Ивана, когда тот был в отпуске, в Пицунде. Как это Лидия Ивановна, его секретарь, могла поставить печать на подписи Цулая? Хотя это иногда бывало, но только в порядке исключения. А кому сейчас понадобилось иметь право аренды помещений института? С этим вопросом он обратился к Кондрашову, а тот переадресовал его к Шацкому.

– Ко мне заявился молодой человек и представился директором института гигиенической экспертизы, протянул эту бумагу и потребовал освободить указанные помещения, – с возмущением рапортовал Шацкий, – я, конечно, ему отказал, сообщил, что я ничего не знаю о таком договоре, что в ходе передачи документов от прежнего директора мне такая бумага не попадала. Он потыкал пальцем в печать на договоре и сказал, что имеет все юридические основания занять данные помещения. Причем, дал мне три дня на то, чтобы я освободил их. Представляешь, Иван Павлович? Вот наглец.

– А кто это был? Он назвал свою фамилию?

– Я точно не запомнил, растерялся. То ли Стеблин, или Селин. Сейчас не помню.

Шацкий действительно был растерян, и имел жалкий вид. Он словно школьник малолетка, которого обидели старшеклассники, пришел жаловаться своему учителю. И не только жаловаться, а искать защиты. Иван внутренне торжествовал в этот момент. Он не испытывал сочувствия к Шацкому, хотя всячески старался успокоить его.

– Не переживайте вы так. Что-нибудь придумаем. Ведь договор о создании совместного предприятия так и не был подписан и я так понимаю, что вы, как директор института не собираетесь его подписывать.

– Нет, не собираюсь. Да и разговоров никаких не было на этот счет, – Шацкий немного приходил в себя, распрямил плечи и поднял голову. Даже голос у него окреп.

– Ну, вот ты и придумай, – Кондрашов закурил свое «Мальборо» и выпустил ароматный дымок в потолок, – жаль, конечно, что договор о совместном предприятии не получил развитие. Но на эту бумагу надо ответить так, чтобы она не имела юридической силы.

– Я могу дать письменное разъяснение по поводу этого договора на аренду помещений института, сославшись на то, что целесообразность такого действия сейчас отпала.

Иван взял лист бумаги и в течение трех-пяти минут сочинял комментарий на предложенный договор аренды помещений. Потом поставил свою подпись, дату ставить не стал. Протянул бумагу Кондрашову. Тот загасил сигарету и посмотрел на предложенный ему лист бумаги.

– Ну что. На мой взгляд, вполне достаточно, посмотрите сами, – Кондрашов протянул лист Шацкому. Тот прочитал, передернул бровями и сказал, что это его вполне устраивает. Кондрашов в этот момент подумал, что как легко было работать с Белецким, когда он был директором института. Все-таки светлая у него голова. Через минуту Иван покинул кабинет заместителя министра здравоохранения и спустился по лестнице к выходу. Можно было бы

зайти к Владимиру Ивановичу, кабинет которого располагался здесь же, рядом. Другой, может быть так и сделал бы, но Ивану показалось, что не следует идти к начальнику департамента гигиены с пустыми руками. Он еще не дозрел до серьезных предложений. Пусть это будет позже.

Иван вышел на площадь и почувствовал, как за ним с шумом закрылась тяжелая дверь Минздрава. Он не стал ее придерживать, как обычно, пусть грохочет. На дворе был апрель, и весеннее солнце наконец-то принесло в город долгожданное тепло. Хоть это было приятно и еще было приятно от того, что Иван сейчас уже не зависим от чиновничьего произвола и тонкие ростки свободы начинали пробиваться в его душе. Он обернулся на шум тяжелой входной двери и увидел красного мрамора табличку с надписью «Министерство здравоохранения СССР». Как он раньше не обращал на нее внимание. Подумал, что совсем скоро здесь появится другая табличка. Он вдруг ощутил, что в глубине души он с нетерпением ждет, когда это слово, аббревиатура и само понятие исчезнут совсем. Скорей бы.

От здания Минздрава до его института было рукой подать, и Иван решил пройтись не спеша по весенней Москве, посмотреть на прохожих, зайти в магазины. Может быть, хоть в центре с продуктами лучше. И в самом деле. Вот какой-то неприметный магазинчик и народу совсем немного, а на прилавке лежат свиные отбивные, а вот азу из говядины, ну, совсем, как в старые добрые времена. Правда, цены на эти продукты несколько странные. Иван спросил продавца, чем объясняются такие высокие цены на мясо, и получил совсем неожиданный ответ: «Наш магазин торгует по комиссионным ценам». Все ясно. Ну что ж, можно и по комиссионным. Деньги в семейном бюджете пока что были. Иван купил и того и другого по килограмму и довольный своей покупкой пошел к себе в институт. «К себе в институт? – поймал себя на мысли Иван, – быстро, ты, однако, привык к новому месту работы, совсем как собачонка, которую подобрали на улице». Идя по длинному незнакомому переулку, он натолкнулся на симпатичное кафе, где можно было бы пообедать, да и время как раз подошло. Все это заметно улучшило настроение Белецкого. И выйдя из кафе, он взглянул на синее небо над головой и решил, что многое в жизни зависит от погоды.

Загрузив покупки в холодильник, он опустился в кресло за своим рабочим столом. В это время в дверь постучали, и в кабинет вошла Татьяна. Он зашла справиться о том, может ли он сейчас принять «академика». Он приехал и ждет в ее комнате.

– Что ж, пусть заходит.

И следом за ней вошел высокий с пышной шевелюрой мужчина, который тут же расплылся в улыбке, крепко пожав руку Ивану. Он сразу приступил к изложению своих планов, суть которых Иван не сразу сумел понять. Речь шла о некоей сделке с его белорусскими коллегами, в ходе которой Телков перегоняет энное количество нефтепродуктов в Могилев, а те по бартеру ему перегоняют льняное семя и масло, которое уже здесь он поставляет на одно из фармпредприятий. Одновременно, он предлагает Ивану провести в Могилеве обследование детей, как это делала здесь Татьяна, за что Белорусская сторона выплатит необходимую сумму. Юридически вся эта схема построена правомерно и не содержит никакого криминала. Собственно, задача Ивана сводится к тому, чтобы организовать в Могилеве или в области обследование детей, а все остальное Телков берет на себя. Сейчас от Ивана требуются две вещи: финансовое обоснование проекта и письмо от Минздрава с рекомендацией работ по обследованию детей.

– Понимаешь, я хочу, чтобы Татьяна тоже была при деле и могла получать дополнительный заработок. Она мне все время твердит об этом. Вот я и придумал эту схему с вашим участием. Как тебе?

– В целом за всю схему я ничего не могу сказать определенно. Наверно, это перспективно. Но что касается медицинского раздела, здесь не ясно, кто будет финансировать все расходы, связанные с этой работой.

– В том то и дело, что определенная часть от бартера будет покрываться наличными деньгами, в том числе и медицинская часть. Ты только сделай убедительный расчет необходимых финансовых средств, и мы все это включим в общую смету. Дальше, это уже не твоя забота. Зам председателя исполкома города мой институтский товарищ, понимаешь, мы с ним учились вместе и он сейчас, так же как и я заинтересован в этой схеме. Сейчас все так делают, кто, конечно, может. А иначе не проживешь. Ну что у вас за зарплата, а цены какие!

– Да, цены растут. Вот сейчас я шел из Минздрава и заглянул в один небольшой магазинчик. Там купил приличное мясо, но по коммерческим ценам. Спросил, что это значит, мне ответили, что это комиссионный магазин. Представляешь себе.

– Постой. А где этот магазинчик. Мясо, говоришь. Я сейчас позову Татьяну, надо ее послать туда, а то дома совсем есть нечего.

Телков порывисто встал, намереваясь идти за Татьяной.

– Не надо никуда ходить, у меня здесь кнопка. Я сейчас приглашу ее.

Иван нажал какую-то кнопку рядом с телефоном и снял трубку. Передал ее Телкову.

– Татьяна, зайди, пожалуйста, к Ивану Павловичу и захвати то, что мы с тобой принесли. Есть деловое предложение.

Через пару минут в кабинет вошла Татьяна. В руках у нее был объемистый сверток.

– Шеф, куда это можно поставить?

– А что это такое?

– Это мы решили устроить небольшой фуршет по случаю нашей договоренности.

– Фуршет? Тогда лучше на тот стол у окна, рядом с самоваром, можно и чай заварить.

В умелых руках Татьяны довольно быстро на столе появилась некая закуска, уже разложенная по пластиковым емкостям. И бутылка водки. Через несколько минут закипел самовар. Стол был готов.

– Ну, я предлагаю выпить за нашу схему. Дай Бог, у нас получится.

Все трое чокнулись и выпили водку, разлитую по стаканчикам. Татьяна тоже сделала большой глоток, с легкостью, и даже не поморщилась. Иван посмотрел на свою ученицу, удивился тому, как она это сделала. Раньше он не замечал за ней такой сноровки. Что ж, время идет и все меняется. Потом по просьбе Телкова Иван показал Татьяне купленное им мясо и объяснил, как найти этот магазинчик.

– О-о, какое хорошее. Надо срочно идти. Отпускаешь меня, шеф?

– погоди, с начала надо допить наше зелье, – запротивился «академик», – значит, мы с тобой договорились, Иван? Через пару дней схему эксперимента и расчет передашь через Татьяну. Билеты буду брать на следующую неделю.

Допили остатки и Телков с Татьяной покинули кабинет. Татьяна, похоже, была счастлива. Ее муж договорился с ее любимым шефом о совместной работе. В этот момент она не знала, кого она больше любит: своего учителя и бывшего любовника или «академика», своего мужа. Хотя, в данном случае, это было все равно. Сейчас они оба с ней и в этом содержался секрет ее радости.

В конце следующей недели Белецкий и Телков ехали в поезде по направлению к Могилеву. С ними в купе были еще двое, товарищи Телкова, как они представились Ивану. По всей видимости, они отвечали за вторую часть схемы. Ехали хорошо. На ужин была водка и закуска. Телков, немного выпив, стал рассказывать о перспективах его проекта. Он заверил своих товарищей, что им здорово повезло, что они встретили такого предприимчивого человека, как Телков. Никто не возражал, просто слушали молча и кивали головами в знак согласия. Потом Телков устал, допил оставшуюся водку и принялся укладываться на ночь. Его товарищи последовали за ним.

Весь следующий день провели в Могилеве. Собственно города и не видели. Все время было потрачено на бесконечные переговоры с представителями местной власти. Друг Тел-

кова, заместитель председателя исполкома города, организовывал все эти встречи и непосредственно на них присутствовал. В большинстве случаев и Белецкому также приходилось принимать участие в этих переговорах. Его очередь подошла лишь к концу рабочего дня. Он встретился с руководителем департамента здравоохранения города, изложил ему свою программу, подчеркнув, что она может оказаться единственно эффективной для детей, проживающих на загрязненных территориях, в том числе и тех, что подверглись радиационному загрязнению от взрыва на Чернобыльской АЭС. Иван подчеркнул, что таких исследований пока что совсем мало и их совместный проект может стать пионерским. Последнее особенно заинтересовало руководителя здравоохранения, и он дал понять, что после некоторых согласований, скорее всего эта программа сможет быть размещена на отдельных территориях города и области. Он принял от Белецкого также и рекомендательное письмо заместителя министра здравоохранения Союза Кондрашова и заметил, что лично с ним знаком и считает его рекомендацию весьма авторитетной.

– Кондрашова хорошо знают в республике и с уважением к нему относятся. Жаль, что он уехал в Москву. Здесь, у себя, в Белоруссии, он бы мог принести еще больше пользы здравоохранению. Но будем надеяться, что скоро он вернется к себе домой, – на этих словах завершились переговоры Белецкого с местным руководством здравоохранения.

На обратном пути в Москву все четверо с удовлетворением обсуждали результаты проведенных переговоров и надеялись на скорый финансовый успех, хотя до его достижения было еще далеко и предстояло немало потрудиться. А пока закусывали белорусской колбасой с отварным картофелем, приобретенными в станционном буфете на городском вокзале. Запивали, конечно, водкой. Причем, на этот раз водки было существенно больше, чем по дороге из Москвы. Сказалась усталость и водку не выпили до конца, улеглись спать. Поезд прибыл в Москву в пять утра, еще до начала работы метро. Перед тем как покинуть вагон Телков достал оставшуюся водку и предложил выпить своим товарищам. Все отказались, ведь было раннее утро. Тогда Телков выпил сам. И когда стояли на привокзальной площади в ожидании открытия метро, он стал рассуждать о тех радужных перспективах, которые их всех ожидали в скором времени. Чувствовалось, что выпитый остаток водки удачно лег на старые дрожжи. Телков был достаточно пьян, хотя и твердо стоял на ногах. В эти минуты Иван не позавидовал Татьяне, ожидавшей приезда мужа из командировки.

Глава 3. Накануне

– Уважаемые коллеги, – этими словами начал свое сообщение заместитель директора института, профессор Жуков Юрий Сергеевич, – как вам хорошо известно, наш институт наряду с рядом других медицинских институтов страны участвует в международной кооперативной программе, посвященной эпидемиологическим исследованиям заболеваемости ИБС (ишемическая болезнь сердца).

В его кабинете собрались специалисты, работающие в этой программе. В их числе оказался и профессор Белецкий. Жуков лишь в последний момент включил Белецкого в эту программу, которая представляла собой чуть ли не самое приоритетное исследование, проводимое в институте. Его участие должно быть представлено методикой оценки уровня загрязнения окружающей среды, в которой проживает население, охваченное эпидемиологическими исследованиями. Другими словами, его методика химических нагрузок с этого момента получит распространение по всем регионам страны, охваченным программой. Надо заметить, что до последнего времени, а программа выполняется уже второй год, в программу были включены и прибалтийские республики, но недавно от каждой из них пришло уведомление об отказе участия в программе, к сожалению. Не было ясно до конца с участием Украины и Белоруссии. Оставались в программе без сомнения лишь Российские институты и, конечно, в их числе Центр профилактической медицины.

– Всем вам предлагается командировка в Нальчик, – продолжил свое выступление Юрий Сергеевич, – где на базе местного медицинского института состоится координационное совещание по программе. На этом совещании будут заслушаны ряд докладов по итогам реализации программы и доклад профессора Белецкого по его методике оценки химической нагрузки. Я знаю, что Иван Павлович уже подготовил соответствующие материалы, остается их только размножить с тем, чтобы на месте раздать всем участникам. Вылет рейсом до Минвод в понедельник утром, далее автобусом до Нальчика. Билеты и прочие вопросы у Анны Владимировны.

Итак, совместная с ведущими сотрудниками института, большинство из которых работали в отделе Жукова, командировка должна состояться уже через несколько дней. Перед Иваном стояла ответственная миссия предъявить свои разработки многим институтам страны. Сделать так, чтобы они не просто приняли их, как директиву, но поверили в научную обоснованность предлагаемой методики. А самое главное, нужно было убедить участников программы, что химические нагрузки стоят в одном ряду с другими этиологическими факторами развития ИБС. Надо заметить, что доказательная база такого постулата была недостаточно сильной, как например связь распространенности ИБС с содержанием холестерина в крови или уровнем артериального давления.

Были отдельные факты, полученные экспериментальным путем, и единичные наблюдения, подтверждающие такую связь. Но ведь когда-то надо начинать системные эпидемиологические исследования в этом направлении. И чем точнее будет направлен поиск, чем информативней будет поисковая система в отношении оценки уровня химических нагрузок на население, тем больше гарантии в получении успешного результата. Такая работа окрыляла Ивана, так как он давно мечтал найти способ для построения системы эпидемиологических исследований взаимосвязи химических нагрузок и распространенности ИБС среди населения.

Аэропорт в Минводах, поездка на служебном автобусе до Нальчика и вот, они уже в гостинице. Идет регистрация участников совещания и расселение их по номерам. Белецкий и его новый приятель, математик, Алексей Новиков, поселились вместе. Номер был небольшим, но чистым, с двустворчатыми окнами, выходящими на площадь перед гостиницей. С Алексеем Иван познакомился еще в самолете. У них состоялась интересная беседа по вопросам медицинской статистики. Как оказалось, в эпидемиологических исследованиях

медицинская статистика имеет важнейшее значение. Чтобы получить достоверный результат, нужно четко придерживаться всех многочисленных правил статистики, а их предостаточно. Незнание этих требований или нежелание их исполнять часто приводит к искажению результатов исследований. Все начинается с построения эпидемиологического исследования, определения достаточности выборки населения и прочее. Здесь часто находятся в конкурентной борьбе такие понятия, как закономерность и случайность. Некоторым из этих тонкостей будет посвящен доклад Новикова на предстоящем семинаре.

А пока пришло время обедать. Все прошедшие регистрацию были приглашены на обед в ресторан. Гостеприимные хозяева семинара оплачивали этот обед. За одним столом оказались помимо Ивана и Алексея Анна Владимировна и Татьяна. С последней Иван еще не был знаком, хотя, кажется, встречал ее не раз в стенах института. Анна Владимировна попросила ее называть просто Анной, а Татьяна добавила, что в отделе ее все называют Анечкой. Что ж, это вполне подходило к ней, невысокого роста, миниатюрной и с неброской внешностью. Она, в самом деле, больше напоминала студентку первокурсницу, чем старшего научного сотрудника, кандидата медицинских наук. Татьяна, в противоположность Анечке, была высокого роста, привлекательная, с копной рыжих волос на голове и с веселыми зелеными глазами, излучающими то и дело искорки лукавства. Она была разговорчивой, постоянно о чем-либо болтала, и ее интерес в значительной степени был сконцентрирован на Белецком. Понятно, ведь он был новым сотрудником в их институте, не то, что Алексей, которого она знала уже несколько лет. Но, может быть, в чем-то еще заключался ее интерес к Ивану?

В этой компании Иван был старше всех. Остальным было лет тридцать пять, не больше. Потому, Иван как-бы взял шефство над всей компанией. После обеда он пригласил всех на прогулку по городу. Хозяева рекомендовали пройти в сторону городского озера, что было неподалеку от гостиницы, может быть метров пятьсот, не более. Голубая гладь озера, и окружающие его деревья создавали ощущение уютного оазиса среди шумных кварталов. Эту иллюзию дополняла величественная панорама далеких Кавказских гор, с заснеженными вершинами и сейчас покрытыми туманной дымкой.

– Как хорошо здесь, правда, – воскликнула Татьяна и подбежала к кромке озера. Чистая вода ленивой волной накатывалась на берег. Она потрогала ее руками и воскликнула, – а вода-то совсем теплая. Как жаль, что мы не взяли купальники, можно было бы искупаться.

Иван тоже подумал об этом, присоединившись к Татьяне и погрузив в воду руки.

– Да, действительно теплая, хотя еще только конец мая. Давайте завтра после семинара придем сюда искупаться.

Алексей поддержал предложение Ивана, а Татьяна с восторгом взяла его за руку и увлекла вдоль по берегу. Вдали от них, на противоположном берегу были видны купающиеся люди, в основном дети. Их было немного, но шумели они изрядно. Справа показалась лавочка, где можно было посидеть и отдохнуть после обеда. Было приятно созерцать водную гладь и горные хребты, хотя за спиной возвышались многоэтажные здания и оттуда доносился городской шум. Сидели молча, погруженные в восприятие этого милого момента. Даже Татьяна молчала, поглядывая на Ивана, как-бы призывая его к разговору.

Но пришло время возвращаться в гостиницу. Еще надо было разложить свои вещи и приготовить все необходимое к семинару. Не доходя до гостиницы еще на приличное расстояние, они вдруг уловили возбуждающий аппетит аромат жареного шашлыка. Ветер дул в их сторону и доносил до них этот ароматный дымок. А когда подошли к гостинице, убедились в том, что обоняние их не подвело. Два джигита на мангалах действительно жарили шашлыки.

– Как хочется шашлычка, – друг протяжно заскулила Татьяна.

– Да, аппетитно выглядят. Может быть, нам заказать по шашлычку на ужин? – спросил своих товарищей Иван. Тут даже Анечка не утерпела и мечтательно произнесла:

– Да, хорошо бы было.

– Но сейчас еще не время ужинать. Вот если бы нам приготовили через час, полтора, было бы здорово.

Их разговор услышал молодой человек, управляющийся перед мангалом,

– Делай заказ и приходи. Сейчас сколько времени? Ну, вот к семи будут вам четыре шашлыка, совсем свежие.

– А не подскажите ли вы, любезный, где можно купить зелень?

– Зачем покупать. Принесу вам свежий лук, только что с грядки.

– Очень хорошо. А, может быть, вы подскажите, где можно купить водки и вина к шашлыку?

– Конечно, подскажу. Все очень просто. Пойдешь за угол гостиницы и там большой гастроном. Там все можно купить.

В семь часов Иван и Алексей спустились к мангалам и, действительно, их ждали четыре шашлыка и зеленый лук. Предварительно, они сходили в магазин и купили все, что нужно было к ужину. Так сложилась дружная веселая компания во главе с профессором Белецким. Все дни, пока были в Нальчике, они старались держаться вместе и никого из посторонних в свой круг не допускали. Через день или два одна из сотрудниц отдела эпидемиологии с претензией заявила Белецкому, что она то же хотела бы быть с ними вместе. На что Белецкий ответил, что это не в его власти.

Следующий день был посвящен работе семинара. С докладами выступали практически все сотрудники института. Своей работой делились также и сотрудники других институтов. Иван успешно сделал свой доклад, но, будучи опытным лектором, обратил внимание на то, что аудитория восприняла его сообщение без должного интереса. Он понял, что здесь он столкнулся со специалистами другого профиля. Большинство из них, прежде всего, были кардиологами, а потом уж эпидемиологами и конечно, далеко не экологами или токсикологами. Естественно, это слегка огорчило его, но вечером он решил загладить это впечатление и потому предложил вновь устроить ужин с шашлыками. На что его товарищи откликнулись с восторгом, тем более, что оплачивал это мероприятие в основном Белецкий, как профессор, старший товарищ и вообще, хороший и добрый человек.

В программе визита была поездка в горный аул. Директор института Адашев хотел показать, как хорошо и благоустроено живет современная деревня в горных районах Кабардино-Балкарии. Похоже, это было дежурное мероприятие, потому как в кафе, куда их привезли на служебном автобусе, все было готово к приему: и национальные блюда, и зелень и даже сухое вино домашнего приготовления. Его подавали прямо в кувшинах. Адашев много рассказывал об истории края, о достижениях в сельском хозяйстве, о культуре быта и научных достижениях его республики. Казалось, все было хорошо. Но через некоторое время, когда ужин еще не подходил к концу, в кафе стали подтягиваться какие-то посторонние люди, которые располагались кучкой в одном углу в стороне от гостей. Потом несколько из них подошли к своим соплеменникам, сидящим рядом с гостям и о чем-то стали говорить, время от времени переходя на громкие гортанные звуки. Глаза вновь пришедших злобно сверкали, они вертели по сторонам головами и размахивали руками. Некоторые держали свои руки у поясов, подпоясавших рубахи. Адашев, завидя такое дело, предложил поспешно покинуть кафе и переместится в автобус.

– Это Балкары с гор, они пришли, чтобы устроить скандал с Кабардинцами. Они давно враждуют, с тех пор, как Балкарам разрешили вернуться в родные края и здесь они встретили Кабардинцев, занявших их историческую землю. Вот так и живем, как на ножах, хотя являемся одной республикой. Балкары дикий народ, необразованный и живут они в основном в горах. Не любят нас. Но и мы тоже отвечаем им взаимностью.

Все время, свободное от семинара наша компания проводила на озере. Это было прелестное купание. Иван наблюдал за Татьяной, облаченной в купальник голубого цвета. Ее гибкое

тело, сверкавшее на солнце при выходе из воды, соблазняло его. И она замечала это. Замечала и совсем не старалась скрывать все прелести женского тела, данные ей природой. Более того, она не раз приглашала его с собой в воду, где, заплыв подальше от берега, весело плескались, подныривали друг под друга и даже слегка обнимались как-бы невзначай. Потом выходили из воды, держась за руки, и Татьяна просила Ивана помочь ей с полотенцем, после чего сама принималась вытирать его тело. Их взаимную симпатию уже нельзя было скрывать, хотя Иван понимал, что ему, как новому человек в этом коллективе, не следовало бы идти на открытый контакт, что это непременно может стать достоянием коллектива с последующими всякого рода разговорами и суждениями.

И вот однажды вечером, когда оставалось им пребывать в Нальчике лишь два дня, Иван вновь устроил ужин с шашлыками, вином и водкой. На этот раз Татьяна не пила вино, а стала пробовать местную водку. Она была возбуждена и словоохотлива. Когда стемнело, она пригласила Ивана на прогулку в парк, что находился рядом с гостиницей. Алексей и Анечка, сославшись на усталость, остались в номере. Тем более что завтра с утра должна быть экскурсия к минеральным источникам. Иван взял ключ от своего номера и предложил Татьяне зайти в него вместо прогулки по темному парку. Та согласилась. И здесь они, оставшись без свидетелей, придались любовным ласкам: объятия, поцелуи и раздевания. Татьяна что-то шептала, чувствуя натиск Ивана, даже оказывала легкое сопротивление. Но вскоре сдалась. Потом Иван спросил ее, о чем она шептала.

– Я говорила тебе, что обещала не изменять мужу, а ты не услышал, – объяснила она с улыбкой, вставая с постели и направляясь в душ.

– Извини, ты говорила так тихо, что я не расслышал.

Через пару минут она вышла из душа, обнаженная и привлекательная, и Иван протянул к ней свои руки. Они оставались вместе еще не менее получаса. Потом Иван предложил ей одеться и вернуться к ней в номер. Скорей всего, Алексей и Анечка не спят и ждут, когда они вернутся с прогулки по темному парку. Иван был прав в своих предположениях. Алексей и Анна лежали на разных кроватях и о чем-то мирно беседовали.

Утром Иван проснулся от стука в дверь. Алексей пошел открывать. В дверях стояла рассерженная Татьяна.

– Вы поедите на источники или нет? Весь автобус только вас и дожидается, – не заходя в номер, спросила Татьяна.

Алексей повернулся к Ивану.

– Ну как, поедим или ну их, эти источники?

– Неудобно, – решил Иван, – надо ехать. Подождите еще минут десять, мы сейчас выйдем.

– Наконец-то господа соизволили проснуться. Им и дела нет, что их все ждут, – это подала свой недовольный голос та женщина, которая пару дней назад обратилась к Ивану с обидой, что те не принимают ее в свою компанию.

Автобус тронулся и помчался из города в сторону гор. Иван молчал и думал только о том, как скоро они придут на место. Он вспомнил, что они не успели позавтракать, даже выпить чашку горячего чая им не удалось. Неприятные ощущения в области желудка, связанные с голодом, грозили перейти в страдания. И когда Ивану предложили подняться на вершину гор, где была расположена смотровая площадка, на фуникулере, он решительно отказался. Недалеко от площади, где стояли все экскурсионные автобусы, он заметил небольшое кафе с навесом и без стекол, из которого распространялся уже знакомый ему в этих местах аромат жареного шашлыка. Отказавшись, таким образом, от экскурсии, где бы он наверняка испытал бы сильное головокружение от голода и высотной гипоксии, он направился к манящему его аромату. И он не ошибся. Он взял палочку шашлыка, салат из зелени, булку белого хлеба и бутылку сухого вина. Расположился за круглым столиком, огляделся и, не заметив кого-либо из своих знакомых, принялся не спеша завтракать.

Следует отметить, что Ивану нередко нравилось быть одному, может быть даже чаще, чем в шумной компании. И сейчас наслаждаясь вкусным и сочным шашлыком, он размышлял о том, что случилось накануне, о Татьяне и вообще, о том, что все не так уж плохо, как казалось ему ранней весной. Ну и что из того, что он больше не директор института, зато все остальное осталось при нем: и ученая степень доктора наук и звание профессора и собственная лаборатория, над которой еще стоило поработать. Закончив трапезу, он прихватил с собой недопитую бутылку вина и вышел из кафе. Недалеко от этого места он заметил овражек, и ему показалось, что там может быть река, ну если не река, то речка или просто горный ручей. Ноги сами понесли его к нему. И, в самом деле, в глубине овражка шумела небольшая, но говорливая речушка, по бокам заваленная камнями. Иван уселся у кромки овражка и его взгляд переместился в сторону гор, на которые, по всей видимости, и поехали на фуникулере его товарищи. Он вновь отметил свое благоразумие, тем более что много лет назад он имел «удовольствие» качаться на таком подъемнике, когда он отправилась на смотровую площадку в Домбае. Сейчас он уже не мог с точностью сказать, как долго он висел над пропастью, может быть полчаса или больше, но замерз основательно, так что после счастливого возвращения в лагерь, где у них проходила школа молодых ученых, он первым делом принял пол стакана водки. Для профилактики простуды и это помогло, он не заболел. Тогда с ним тоже была Татьяна, но ни эта, а другая. Его ученица и любовница одновременно. Сейчас она, после защиты диссертации, стала старшим научным сотрудником его лаборатории, и женой «академика» Телкова. Вот такие дела.

В горах звенела тишина, вокруг никого и, если бы не страх встретиться со змеей, коих по рассказам на Кавказе полным полно, Иван поддался бы соблазну немного вздремнуть. Но вместо этого решил побродить по окрестностям, испить минеральной воды, которая здесь местами свободно изливалась на поверхность земли. Так он провел некоторое время, поглядывая на автобус, не возвращались ли с гор его товарищи. Да, наверно загуляли. А между тем из-за горы выползала черная туча, и сразу становилось прохладней и тревожней. Иван скрылся от предстоящего дождя в том же кафе, где и завтракал, и тут ему предложили аппетитное блюдо, название которого он не разобрал. Но по внешнему виду оно напоминало хинкали, какие он употреблял как-то в Гаграх, на берегу Черного моря. Ну и конечно вино.

Туча оказалось пустой. Дождя так и не было. Зато мимо кафе, где восседал Иван, прошла шумная толпа. Это были его коллеги, возвращавшиеся с гор. Некоторые из них заглянули в кафе. Среди них были и его близкие товарищи.

– Все-таки, я сразу поняла, – начала свой монолог Татьяна, подсевшая к нему и с любопытством голодного человека разглядывавшая национальное блюдо, – что вы самый благоразумный человек среди нас. И зачем мы только туда потащились? Голодные и холодные и никаких красивых видов там не было: сплошной туман, а тут еще эта туча, мы все промокли.

– В горах был дождь? – удивился Иван, – а у нас сухо. Вот только вино и то сухое.

– Все шутите, а что это вы такое вкусное едите?

– Спроси сама, я не понял этого названия. Что-то вроде хинкали, ну очень вкусно. Хочешь попробовать? – Иван предложил Татьяне один из них, и та с наслаждением откусила от «вареника» приличный кусок. На ее белых зубах и розовых губках появился сок. Она сказала:

– Вкусно, очень вкусно. Я сейчас возьму себе.

В это время Алексей подошел с двумя палочками шашлыка: для Анечки, и для себя. В другой руке он нес бутылку сухого вина. Все вместе устроились за столом Ивана. Вернулась Татьяна с тарелкой хинкали. И началось дружное пиршество. По пути в город Татьяна сидела рядом с Иваном и прижималась к его руке. Он понял, что был прощен за то, что не пошел с ней в горы. «Может быть, повторить вчерашнюю игру», – подумал Иван. Но перед выходом из автобуса им объявили, что все они приглашены на товарищеский ужин в ресторан при гостинице. Начало ужина в 8 часов, просьба не опаздывать.

Ужин был обильный, шумный с тостами и здравицами и продлился до 11 часов. После ужина все разошлись по номерам, ведь назавтра вылет в Москву.

Автобус мчался как угорелый. В полуоткрытые окна с шумом врвался придорожный горячий воздух, с силой раздувая декоративные шторы с помпончиками. Можно было подумать, что мы опаздываем на самолет. За рулем сидел черноволосый мужчина лет сорока, он без конца курил и небрежно держал локоть левой руки на открытом окне. Иван явно нервничал. Он не доверял ни этому водителю, ни его поношенному автобусу, который трясся и дребезжал при малейших неровностях дороги. Но вот, наконец, въехали на просторную площадь, и Иван узнал ее – это была площадь при аэропорте в Минеральных Водах. Еще совсем недавно они ждали здесь свой казенный автобус, который отвез их в Нальчик. Был полдень или чуть больше. Над головой сияло синее небо, и горячее южное солнце нещадно палило. Разгрузившись, втянулись в большую толпу таких же, как и они, авиапассажиров. До регистрации их рейса оставалось еще не менее двух часов. Ну, куда в такую рань гнал свой автобус черноволосый водитель? Все лавочки под навесами были, конечно, заняты, и присесть собственно было негде. Пошли в кафе, что находилось на противоположной стороне площади, в толкотне перекусили и выпили минеральной воды. Вернулись к вокзалу и обнаружили длинную очередь к стойке регистрации. Справились, что за очередь. Оказалось, на регистрацию на рейс до Москвы. Пошли искать конец этого хвоста. Где-то там метрах в ста от стойки кончался этот хвост. Пришлось идти туда и пристраиваться к его концу. Естественно, никакого движения не было, потому что регистрация еще не началась. «Такой бардак можно увидеть только у нас, – подумал Иван, имевший большой опыт посадок в авиалайнеры во многих Европейских аэропортах, и не только Европейских, – зачем нужно собирать людей на площади задолго до регистрации?» Ответ на этот вопрос явился сам собой, когда началась регистрация на рейс, и оказалось, что в очереди стоят больше желающих улететь, чем вмещается в самолет. Зная это, бывалые пассажиры заранее занимали очередь на регистрацию, чтобы попасть на этот рейс. А как же остальные? Ведь все они имели билеты именно на этот рейс.

Татьяна приняв к сведению сложившуюся ситуацию, выругалась про себя и вызвалась пройти к стойке, выяснить этот вопрос. Она решительно отошла от очереди и направилась в сторону вокзала. Ее не было минут пять или больше, а когда вернулась, сообщила, что было предложено не волноваться и дожидаться продолжения регистрации на этот же рейс. Скоро придет другой самолет и всех отправят в Москву.

– А не сказали тебе, сколько еще нужно ждать? Час или два, – спросил с раздражением Алексей. Иван оглянулся на него с удивлением, он еще никогда не видел Алексея в таком состоянии.

– Не сказали, поди, сам узнай, – с не меньшим раздражением ответила Татьяна, – ладно, вы пока по стойте, а я пойду, мне надо.

Вскоре Иван увидел Татьяну, сидящую на узенькой лавочке в стороне от площади. Вокруг нее никого не было. Да и вообще к вечеру толпа заметно поубавилась. Он решил, что это удобный момент, чтобы поговорить с Татьяной с глазу на глаз. Они так и не обменялись своими впечатлениями после того памятного вечера, когда их посетила любовь. Нельзя женщину оставлять одну, решил Иван, и направился к Татьяне. Подойдя к ней, он заметил, что Татьяна была совершенно отреченной от действительности, она сидела на лавке без спинки, широко расставив ноги и упершись руками в лавку. Ее взгляд был где-то далеко в горах, на щеках не было румянца. Она даже не посмотрела в сторону подошедшего Ивана.

– С тобою все в порядке? – озабоченно спросил Иван, – ты какая-то потерянная, о чем ты сейчас думаешь? – Иван сел рядом с ней.

– О чем я думаю? – переспросила она, – так просто, о разном. Например, я думаю, зачем я сюда приехала, чего я здесь не видела? Этих красивых гор? Или еще чего-то. Ведь я сама напросилась на эту поездку у Юрия Сергеевича. Должен был ехать другой сотрудник. Я как

узнала, что поедите вы, так и стала просить его, чтобы он направил меня вместо него. Я сказала тогда, что хочу услышать ваш доклад, что мне это направление представляется перспективным.

– И теперь ты разочарована? Не так ли? – спросил Иван, пытаясь заглянуть Татьяне в глаза.

– Разочарована? Дело совсем не в этом. Не нужно было мне ехать сюда, вот и все. – Татьяна вновь отвернулась от Ивана, сомкнув свои алые губки.

– Я не считаю так. Что бы там ни было, такая поездка в любом случае, это перерыв в серых буднях для любого из нас. Прекрасная поездка, красивый город, красивые горы и замечательное озеро, и наше купание в нем, – помолчав немного, Иван добавил, – вместе с тобой. Чего же еще?

– Не знаю. Как-то неуютно на душе от того, что сейчас мы расстанемся с тобой и больше никогда не будем вместе. Да, вы правы, впереди дом, муж и серые будни. Давайте попрощаемся, что ли, – предложила она.

– Прощаемся, как это? – не понял Иван.

– Как, как. Поцелуй меня на прощание.

Иван привлек к себе лицо Татьяна и поцеловал ее нежно и долго.

– Ну, все. Теперь иди, – сказала она, отстранившись после поцелуя.

– А ты?

– Я пойду за тобой.

Иван встал и направился в сторону вокзала. Очередь на регистрацию практически втянулась вовнутрь здания. Надо поспешать. Татьяна молча шла за ним, высоко подняв голову и распушив свои рыжеватые локоны. От ходьбы ее юбка весело вращалась вокруг крепких стройных ног.

– Ну, вот, и наша очередь.

Они подошли к Алексею и Анне, ожидавших их и уже начавших волноваться.

– Вот уже скоро и наша очередь, – сказала Анна, – а вы все где-то бродите.

– Не где-то, а совсем рядом, – парировала Татьяна, – вы нас не видели, зато мы видели, как продвигалась очередь.

Впереди них стоял Владимир Константинович со своей женой. Оба они были сотрудниками того же отдела, что и Татьяна с Анной. По бокам от них размещались объемистые сумки с чем-то тяжелым. Это было видно, когда Владимир Константинович, весьма здоровый мужчина, с заметным трудом передвигал их.

– Володя, а что там у вас в сумках такое тяжелое, – с любопытством спросила Татьяна.

– Так, разные подарки от родственников. У Натальи недалеко от Нальчика в селе живут родственники, мы гостили у них, и они нам передали разную провизию. Ведь в Москве голодно, а у них всего в изобилии.

– Понятно, – кивнула головой Татьяна, – наверно все это надо сдавать в багаж? Но тут, по всей видимости, больше сорока килограммов.

– Не все, а только часть, остальное возьмем в салон. Разместим как-нибудь. Зато будем с харчами, – Владимир Константинович не заметил иронии в словах Татьяны. Не до иронии, когда на полках магазинов пусто, а тут домашние продукты отборного качества, ну как не взять, когда предлагают.

Прошли регистрацию, разместились в салоне. Иван заметил, что среди пассажиров, таких как Владимир Константинович и его жена, было достаточно много. Наверно, у кого не было родственников, тот покупал продукты на местных рынках и вез с собой в Москву. В результате салон лайнера скорее напоминал пригородный поезд с пассажирами, обремененными множественной поклажей. «Взлетит ли?» – подумал Иван, и закрыл глаза, пристегнув ремень, в ожидании взлета. Конечно, взлетел. Это был обычный груз и не в диковину для такого самолета. Не в первый раз, хотя двигатели надсадно ревели и даже ныли от усталости.

Прилетели поздно, в половине двенадцатого ночи. Ивана встретила Людмила с цветочками в руках. Она уже начала волноваться, когда Иван не прилетел первым рейсом. Но ей объяснили, что следом летит второй самолет, и там наверняка будет ее долгожданный супруг.

– Ты с машиной? Здорово. Давай подбросим моих друзей, а то они могут не успеть до закрытия метро.

Людмила не возражала и пошла вперед, взяв Ивана под ручку, к автостоянке. За ними послушно, расталкивая плотную толпу встречающих и прилетевших, пробивались новые товарищи Ивана. Хорошо, что удалось оторваться от Владимира Константиновича с его багажом. Хотя, все равно, все бы не уместились в машине.

Иван сел за руль и стал осторожно пробираться сквозь толпу пешеходов, собравшихся на площади в ожидании автобусов. Скорее всего, они уже не успеют до закрытия метро. А Иван гнал своего «Москвича», на заднем сидении которого разместились Татьяна, Алексей и Анна. Хорошо, что новая модель, которую он приобрел, будучи еще директором института, была просторной машиной, и вся компания удобно разместилась в ней. Через полчаса Иван остановил машину у метро «Парк Культуры», попрощался с друзьями и продолжил свой путь с женой в сторону дома. Его любимый пес, боксер, по прозвищу «Сэм» встретил его залившимся лаем и потребовал тут же отправиться с ним на прогулку. Иван согласился. После перелета и ночной поездки по шоссе и городу такая прогулка была кстати.

Впереди был летний отпуск на даче. Было сухо, тепло и комаров стало меньше. Иван с охотой занимался строительными работами в своем новом доме. Материалов, которые прислал ему Козлов, не хватило на весь дом, и сейчас, купив по случаю сорок больших листов толстой фанеры, он занимался обшивкой потолка. А когда ему надоедала эта работа, он оттащивал на тачке глину, скопившуюся вокруг дома после рытья котлована под подвал. Это была тяжелая работа, но физический труд приносил удовольствие Ивану. Он чувствовал, как у него наливаются мышцы, и убирается животик. По утрам после прогулки с собакой он ходил на местное озеро, где делал заплыв в прохладной ключевой воде. Днем после обеда он погружался в гамак и закрывал глаза. Книга, которую он брал с собой с надеждой почитать ее, вскоре опускалась на траву и Иван дремал. Вечером, после ужина он вновь гулял с собакой, смотрел телевизор. Вместе с ними на даче отдыхала и их дочь, Ирина. Время от времени к ним приезжал ее муж, Олег, и они устраивали праздник: жарили шашлыки и пили водку. Иногда Олег помогал Ивану по строительству дома, что хорошо было запечатлено в многочисленных фотографиях. То Олег двигал бревна, то сидел на крыше, то толкал тачку с глиной, но чаще он разваливался в надувном бассейне с банкой пива и изображал на своем лице истинное блаженство. Ивана и Людмилу такой отдых вполне устраивал.

Но вот однажды, когда отпуск Ивана приближался к концу, на экране телевизора появилась заставка с танцующими лебедями, и диктор объявил о введении в стране чрезвычайного положения и о неспособности президента СССР Михаила Горбачёва выполнять свои функции «по состоянию здоровья». При этом вся полнота власти переходила в руки ГКЧП. Для силовой поддержки действия ГКЧП в Москву и другие крупные города были введены войска.

Такое сообщение было крайне неожиданно для семьи Белецких, хотя то, что происходило за некоторое время до этого события, при соответствующем анализе могло предвещать такой поворот. Шло крайнее обострение политической борьбы в стране. Достаточно было вспомнить о том, что 12 июня Б. Н. Ельцин был избран первым президентом РСФСР. Он одержал победу уже в первом туре, опередив противостоявших ему коммунистических и националистических кандидатов: за Ельцина проголосовало более пятидесяти процентов избирателей. 10 июля состоялась инаугурация первого президента России Б. Н. Ельцина на торжественном заседании V (внеочередного) Съезда народных депутатов РСФСР. Этим было положено начало новой политической традиции – торжественному вступлению в должность руководителя государства, избранного всенародным голосованием. А совсем недавно, 20 июля Указом

Президента РСФСР прекращена деятельность политических партий и массовых общественных движений в государственных органах и учреждениях на территории России. Из предприятий, учреждений и общественных организаций изгонялись парткомы, прежде контролировавшие каждый шаг администрации. Указ означал для КПСС окончательную потерю административных рычагов воздействия на ситуацию на местах. Партия-государство потерпела крах. Все это не могло не восприниматься как устойчивое движение демократических сил к коренному преобразованию страны. Такие политические события в стране не могли не радовать Ивана Белецкого, пострадавшего в своей карьере от коммунистического произвола. Людмила тогда заметила:

– Вот если бы ты дотянул до этих времен, то наверняка остался бы директором института.

– Пусть они поперхнутся своим дурацким институтом и своей партией, – со злобой ответил Иван на реплику жены. Он с напряжением следил за событиями в Москве в эти дни.

Но много ни Иван, ни Людмила, ни их дочь Ирина могли и не знать. Как и их соседи по даче, они получали информацию из легальных источников, а таковыми был лишь телевизор. Отдельную отрывочную информацию удавалось услышать по японскому транзисторному приемнику, который Иван купил еще, будучи в Кабуле. И сейчас он, работавший на УКВ, был единственным источником связи с сопротивлением ГКЧП. Они тогда не знали, что Ельцин в экстренном порядке мобилизовал всех своих сторонников в верхнем эшелоне власти, самыми видными из которых оказались Руслан Хасбулатов, Анатолий Собчак, Геннадий Бурбулис. Коалиция рассылала по факсу воззвание «К гражданам России», а Б. Н. Ельцин подписал указ «О незаконности действий ГКЧП». Сопротивление приняло форму митингов, которые собирались в Москве у Белого Дома на Краснопресненской набережной и в Ленинграде на Исаакиевской площади у Мариинского дворца. В Москве возводились баррикады, распространялись листовки. Непосредственно у Белого дома расположилась, а в 12 часов с танка Ельцин обратился к собравшимся на митинг, где назвал случившееся государственным переворотом. На вечерней пресс-конференции ГКЧП, транслировавшийся по телевидению, отсутствовал В. Павлов, у которого развился гипертонический криз. Участники ГКЧП заметно нервничали; весь мир обошли кадры трясущихся рук Г. Янаева (А. Эрдман. Путч 1991 года: причины и последствия; А. Мельникова. Августовский путч 1991 года. РИА Новости).

В ночь на 21 августа танковые подразделения, контролируемые ГКЧП, осуществляют манёвры возле Белого дома. Группа «Альфа» отказывается брать штурмом Белый дом. В 5 часов утра Язов отдает приказ о выводе войск из Москвы. Днём 21 августа начинается сессия Верховного совета РСФСР под председательством Хасбулатова, которая почти сразу же принимает заявления, осуждающие ГКЧП. Вице-президент РСФСР Александр Руцкой и премьер-министр Иван Силаев вылетают в Форос к Горбачёву. Другим самолётом в Крым вылетают некоторые члены ГКЧП, пытаясь вымолить прощение. К концу путча в своих речах Ельцин смещает акцент с защиты законной власти Горбачёва на защиту «свободной России». Горбачёв возвращается из Фороса в Москву вместе с Руцким и Силаевым на самолете Ту-134. Члены ГКЧП были арестованы.

В Москве объявлен траур по погибшим. На Краснопресненской набережной Москвы проведён массовый митинг, в ходе которого манифестанты вынесли огромное полотнище российского триколора; А 23 августа в прямом эфире Ельцин в присутствии Горбачёва подписывает указ о приостановлении действия Коммунистической Партии РСФСР.

На четвертый день от начала путча, после столь мучительного ожидания конца, соседка Ивана по даче, пенсионерка Мария Сергеевна быстрым шагом прошла вдоль развалившегося штaketника Ивановой усадьбы и с воодушевлением, довольно громко для ее возраста прокричала:

– Танки вышли из Москвы. Слышите, гул на Ленинградском шоссе. Все, путч провалился.

Иван прислушался и действительно со стороны шоссе, что находилась от дачных участков не менее чем в трех километрах, доносился характерный глухой шум двигателей вперемешку с лязганьем гусениц.

– Что там такое? – спросил Ивана сосед справа. Он, казалось, был еще трезв с утра.

– Марья Сергеевна говорит, что танки выходят из Москвы. Слышишь, гул со стороны шоссе?

Сосед прислушался, помолчал и с удовольствием заметил:

– А я знал, что они долго не продержаться. Теперь вся надежда на Ельцина. Он крепкий мужик и не допустит возврата коммуняков к власти.

«Подумать только, какое единодушие, – отметил про себя Иван, – а где же вы были раньше, все эти годы, когда коммунисты были у власти?» Нельзя сказать, чтобы Иван не разделял со своими соседями радости поражения ГКЧПистов и его не охватывал небывалый энтузиазм, связанный с предстоящими переменами в стране. Но он отлично понимал, что все, что сейчас происходит, это всего лишь ожесточенная борьба за власть и как получиться дальше, это еще большой вопрос. На голоса и переговоры с соседями вышла Ирина, дочь Ивана. Ее муж Олег все эти дни был в Москве и принимал участие в столкновениях, происшедших в столице. Конечно, он тоже был за перемены.

– Пап, это, правда, что все кончилось?

– Марья Сергеевна слышала гул танков на шоссе. Говорит, что они покидают Москву. Включи-ка лучше приемник, может, найдешь там свежие сообщения.

– Пап, по любому надо ехать в Москву. Там такие события, а мы отсиживаемся здесь, на даче.

– Может быть, это и к лучшему. Только нас там и не хватало, – присоединилась к дискуссии жена Ивана.

– Ирина права, завтра утром и поедим. Сейчас такое время, что надо быть в центре событий. Собирайся, жена, все равно отпуск подходит к концу.

На следующий день, ровно в полдень Иван вез свою семью домой в Москву. На заднем сидении его «Москвича» сидели Ирина и Сэм. Последний был необычно возбужден, смотрел по сторонам и принюхивался к дороге через приоткрытое оконное стекло, будто пытаясь понять, куда его везут. Надо сказать, что этот удивительный пес неплохо ориентировался в обстановке на дороге. Однажды, когда Иван по дороге на дачу задумавшись, свернул с кольцевой автодороги в сторону Москвы, а не наоборот, как следовало бы, пес пришел в возбуждение, стал дергаться от одного окна к другому, показывая, что произошла ошибка, и его хозяин свернул не в сторону дачи, а, наоборот, в сторону Москвы. Иван похвалил тогда своего дружка, предложив ему успокоиться и на ближайшем развороте, на Ленинградском шоссе исправил свою ошибку. Завидя это, пес спокойно улегся на заднем сиденье автомобиля.

Чем ближе подъезжали к Москве, тем отчетливее был прием радиоволн в его автомобильном приемнике. Транслировали репортаж с улиц Москвы, слышен был гул толпы, радостные крики о свободе и демократии, некоторые подходили к микрофону и делились своими впечатлениями со слушателями. Да, действительно, это был массовый триумф, и народ все как один с воодушевлением воспринял победу демократических сил страны. Иван поймал себя на мысли, что и он чувствует то же, что и его сограждане и это вызывало в душе неизвестное ранее чувство единения и солидарности. Хотелось быть там, на улицах и площадях вместе со всеми, кто добывал эту победу.

Глава 4. Время неопределенностей

Иван Белецкий рос слабеньким и болезненным мальчиком. Так, по крайней мере, казалось его сердобольной матушке, Ольге Григорьевне. Она часто водила его по врачам в детскую поликлинику, но те, как ни старались, ничего существенного в его здоровье найти не могли. Было общее мнение, что мальчику нужна усиленная диета. Но у Ивана был плохой аппетит. Скормить его обедом для его матери было большой проблемой. Один раз для улучшения аппетита ему прописали выпивать маленькую рюмку кагора, что он и делал с удовольствием, но не долго, так как спустя пару дней его старший брат Олег обнаружил в буфере запрятанную матерью бутылку и втайне осушил ее. Олегу тогда шел шестнадцатый год, и он вполне мог себе позволить это. Тогда для улучшения аппетита мать стала читать Ивану сказки из толстой книжки с глянцевыми листами и интересными картинками. Пока она читала, Иван поглощал сосиски с пюре или котлету с макаронами. Наибольшей эффективностью пользовалась сказка неизвестного автора под названием «Пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что». Эффективность этого чтива в отношении аппетита скорее всего объяснялась не захватывающим сюжетом, как того следовало ожидать, а непонятным для Ивана названием. Он никак не мог представить себе, как это возможно, пойти туда, не знаю куда, да еще принести то, не знаю что. Пока Иван размышлял на эту тему, его блюдо быстро исчезало.

Здесь следует отметить, что Иван для своих лет был весьма умненьким и сообразительным мальчиком. Когда ему еще не было семи лет, отец привел его в начальную школу, но, к сожалению Ивана, учительница, посмотрев на него, тоненького и слабенького, предложила прийти через год. За год Иван заметно подрос и окреп, и когда отец вновь привел его в первый класс, учительница поинтересовалась, что знает этот мальчик из курса первого класса. Оказалось, Иван знал все, включая таблицу умножения. Тогда он еще не сказал учительнице, что знает несколько алгебраических формул, которые пыталась освоить его сестра, ученица седьмого класса. Не сказал также, что с успехом решает отдельные алгебраические задачи, помогая, таким образом, сестре выполнять домашние задания. Одним словом, в первом классе Иван не учился, а был зачислен сразу во второй класс, и как выяснилось в итоге, не напрасно. По результатам года он был признан лучшим учеником класса, и пожилая его учительница Евпраксия Ивановна вручила ему толстенную книгу повестей и рассказов русского писателя Гарина-Михайловского. Эту книгу он берег до последних дней, так и не прочитав ее до конца.

А тут такое: «пойди туда, не знаю куда...». Сейчас он вспомнил название этой сказки и решил, что текущий момент времени как раз подходит под это название и в полной мере отражает времена неопределенностей. В самом деле, к осени 91 года в стране сложилась такая обстановка, когда трудно было разобраться, что собой представляет эта страна и ее общественный строй. Формально, это еще был Советский Союз, хотя говорить об СССР, по всей видимости, уже не приходилось: многие бывшие советские республики вышли из состава страны и объявили себя независимыми государствами. 23 августа Ельцин подписал указ о приостановлении деятельности КП РСФСР. Еще раньше, 20 июля Указом Президента РСФСР была прекращена деятельность политических партий и массовых общественных движений в государственных органах и учреждениях на территории России. Из предприятий, учреждений и общественных организаций изгонялись парткомы, прежде контролировавшие каждый шаг администрации. Указ означал для КПСС окончательную потерю административных рычагов воздействия на ситуацию на местах. Партия-государство потерпела крах. Окончательно это было закреплено 6 ноября специальным указом о прекращении деятельности КПСС. С этим было покончено и оставалось только забрать свою учетную карточку в райкоме партии, что Иван и сделал вскоре по возвращении из отпуска.

24 августа М. С. Горбачев распустил союзный Кабинет министров, и заявил, что слагает с себя полномочия Генерального секретаря КПСС. Поскольку другого стержня власти в стране не было, с развалом КПСС центральная власть просто рухнула, хотя Горбачев сохранял пост президента СССР. В качестве временного органа управления до принятия решения о дальнейшей судьбе СССР был создан Госсовет СССР, который начал работу 6 сентября 1991 года. 6 ноября Ельцин своими указами назначил заместителем председателя правительства по вопросам экономической политики Е. Т. Гайдара, министром труда и социальной защиты А. Н. Шохина, председателем Госкомимущества А. Б. Чубайса. Гайдар получил от Ельцина полный карт-бланш на подбор кадров экономического блока правительства. Ключевые посты в нем заняли молодые экономисты, убежденные рыночники.

Но Горбачев еще не сложил оружие. Он лихорадочно боролся за сохранение уже развалившегося государства, а вместе с этим и за сохранение своего поста – президента этого государства. 8 декабря в Беловежской Пуще лидеры России, Украины и Белоруссии подписали Соглашение о создании Содружества независимых государств (СНГ) и констатировали, что Советский Союз прекратил свое существование. Но всем было ясно, что новый Союз не имеет ни общей идейной базы, ни экономических возможностей, ни достаточной силовой системы, чтобы удержать разбегания республик. Фактически единого государства уже не существовало. Вместе с тем, как оказалось, выбранное решение позволило уберечь миллионы людей от еще более непредсказуемого, тяжелого развода с конфликтами, войнами, жгучими выяснениями отношений в стране, напичканной ядерным оружием.

23 декабря Россия официально получила место СССР в Совете Безопасности ООН. Международное сообщество признало ее правопреемником Советского Союза. И 25 декабря М. С. Горбачев заявил о своей отставке с поста президента СССР и передал президенту РСФСР Б. Н. Ельцину «ядерный чемоданчик». С этого дня РСФСР стала официально называться Российской Федерацией. Вместо советского красного флага над Кремлем был поднят трехцветный российский флаг.

А что же в это время делал доктор Белецкий? Предпринимал ли он какие-либо попытки влить жизненную струю в деятельность своей лаборатории или предавался все большему унынию, как это было с ним в начале года? Нельзя сказать, чтобы удача сопутствовала ему. Там, где ему обещали помощь в проведении обследования дошкольников в двух детских садах, сейчас сказали «нет». Объяснили это тем, что родители относятся с осторожностью ко всякого рода обследованиям и не желают, чтобы посторонние врачи вмешивались в жизнь и здоровье их детей. Что ж, может быть, это было реакцией на состояние общества этой осенью. Предложили вернуться к этому вопросу весной. И на том спасибо.

Близилось время начала работ по Белорусскому проекту Телкова. Иван ждал известий об этом от него самого или хотя бы от Татьяны. Но та молчала, особенно она была расстроена неудачей с детскими садами. И вот однажды утром, после заседания ученого совета, они вместе с Татьяной поднимались к себе на третий этаж. В коридоре у окна стоял Телков и смотрел в окно. Обернулся, когда подошли к нему Иван и Татьяна. Он был пьян или в глубоком похмелье.

– Ты что здесь делаешь? – довольно строго спросила его Татьяна.

– Я пришел к Ивану Павловичу. Мне нужно с ним поговорить. А ты пока оставь нас.

Татьяна взяла его под руку и повела по коридору к двери Белецкого. Иван открыл ключом дверь и пригласил Телкова войти. Тот грузно ввалился в кабинет и плюхнулся на стул.

– Извини, у меня проблемы, вот я и надрался вчера. Сейчас объясню. Слушай, Иван, у тебя спиртик есть? Налил бы немного, может быть полегчает.

Красивое лицо Телкова сейчас имело жалкий вид. Иван не мог не помочь ему, как товарищ и как врач, наконец. В такие моменты нельзя отказывать страдальцу. Он достал

из сейфа литровую бутылку с медицинским спиртом, который выдавали для лабораторных работ, и плеснул в чашку немного.

– На том столе возьми вторую чашку и налей воды для запивки, – посоветовал он Телкову.

Тот взял чашку, его руки заметно дрожали. С трудом поднялся и подошел к раковине. Обошелся без второй чашки. Иван видел его широкую спину и правую руку, в которой он держал чашку со спиртом. Выпил и запил водой. Постоял чуть-чуть, отпил еще немного воды и повернулся к Ивану. Его лицо заметно разгладилось.

– Ну, вот, совсем другое дело. А то боялся, что могу помереть. Мне никак нельзя оставлять Татьяну одну. Надо заработать деньги. Ведь я выпиваю и могу помереть в любую минуту. А что я оставлю ей? Сейчас я преподаю химию в техникуме, получаю какие-то гроши, на которые даже прожить невозможно, – его речь была сумбурной и пока что не давала Ивану никакого представления о сути дела, которое принес к нему Телков. – Слушай, наше дело с Белорусами похоже провалилось. Я вчера говорил со своим другом по телефону и, узнал, что пока они не могут встроиться в нашу схему. Но у меня есть другая идея. – Он помолчал немного, взглянул на пустую чашку, стоящую перед ним, и вновь обратился к Ивану с просьбой плеснуть еще чуть-чуть. Ивану не было жалко казенного спирта, и он охотно понимал товарища. Вновь достал бутылку и плеснул в чашку. Процедура питья повторилась. Заметно повеселев, он объявил Ивану, что они с друзьями открыли биржу вторичного сырья, где будут реализовывать продукты нефтепереработки. Он объяснил, что там можно выставлять все, что угодно, и предложил Ивану заняться реализацией импортных лекарств через биржу.

– Лучше выбрать что-нибудь такое, что понятнее народу, например, витамины и прочее. У тебя есть такие фирмы, которые предлагают витамины?

– Да, можно подобрать.

– Вот и хорошо. На разнице цен можно неплохо заработать. А какие деньги ты получаешь здесь? То же гроши. Я ведь знаю. Наверно чуть больше, чем Татьяна. А так, возьми ее к себе в помощницы и вместе будет толкать препараты через биржу. Ну как, согласен? Вот тебе координаты, сошлись на меня и там все устроят.

Телков взял лист бумаги и быстро написал адрес, имена и телефон учредителей биржи. Он опять взглянул на чашку, но в этот момент вошла Татьяна.

– Мы обо всем договорились. Будете вместе с твоим шефом продавать витамины через мою биржу.

– Юрий, тебе пора домой. Ты уже совсем хорош. Шеф, отпусти меня, я боюсь, что мой «академик» один не доберется до дому.

– Поезжайте, конечно. Может быть еще глоточек? – предложил Иван Телкову, показывая на чашку.

– Шеф, не надо, – запротестовала Татьяна, – он и так еле стоит на ногах.

– Зачем ты так, – возразил ее супруг, – если шеф предлагает, то он знает, что делает. Он вообще очень хороший и гуманный человек.

Телков взял чашку со спиртом и довольно быстро опрокинул ее в рот, запил водой и улыбнулся своей жене.

– Вот теперь вези меня домой. Что бы я делал без тебя?

Когда Белецкий остался один, он набрал номер телефона, оставленного Телковым на листе бумаги. Милый женский голос приветливо сообщил, что она представляет биржу вторичного сырья, и когда услышала от Белецкого фамилию Телкова, с энтузиазмом приветствовала звонившего и пригласила приехать для конкретной беседы. Договорились, что Иван приедет к ней на следующий день.

Ничего не понимая в биржевых делах, Иван сидел на диване в кабинете милой девушки, говорившей с ним накануне по телефону. Ему предлагался конкретный бизнес по продаже на бирже лотов с витаминными препаратами какой-либо известной зарубежной фирмы. Иван

заверил девушку, что такая фирма у него есть и через неделю он готов представить перечень таких препаратов с аннотациями на каждый из них и ценовой установкой фирмы – владельца препарата. На следующий день Иван поехал на словенскую фирму КРКА, с которой он успешно сотрудничал по регистрации ее дезинфицирующего препарата, будучи директором института. Регистрация прошла успешно, и Иван получил приглашение от фирмы посетить Люблян. Но в ту пору там было не спокойно, что-то вроде гражданской войны, на что представители фирмы ответили, что ничего подобного там нет и быть не может, поскольку у них даже нет вооруженной армии или каких-то других группировок людей, способных представлять опасность. Но поездка все же не состоялась, о чем Иван позже немного сожалел, В основном из-за того, что таким образом он лишился возможности тесного контакта с очаровательной сотрудницей фирмы, Оленькой, которой, похоже, Иван также нравился.

Придя на фирму, Иван ожидал встретить Ольгу, но, к сожалению, за эти годы она успела покинуть фирму, и ему пришлось общаться с представителем мужского пола. Тот не скрывал от Ивана, что последнее время у фирмы в России дела идут не лучшим образом, объем продаж населению заметно снизился и, конечно, фирма будет приветствовать всякие дополнительные попытки оживить продажи препаратов. Затем выбрали несколько наименований препаратов, содержащих как витамины, так и минералы, Иван получил всю необходимую документацию, включая сертификаты регистрации в России, и с этим багажом направился к себе в лабораторию.

Впервые за долгие месяцы у него появились надежды на реальный бизнес. И это только начало. Есть и другие фирмы, препаратами которых он мог бы воспользоваться. Дав соответствующие поручения Татьяне по подготовке представлений по формам, предложенным биржей, он стал прикидывать с карандашом и бумагой перспективы развития этого проекта. Как всегда, он несколько забегал вперед. И каково же было разочарование, что уже на первых торгах стало ясно, что публику, посещающую биржу вторичных ресурсов, мало интересовали выставленные на продажу лоты с витаминными препаратами. Он, конечно, был в расстроенных чувствах, хотя его успокаивали коллеги, включая «академика», что так может быть только в первые дни работы, что в будущем могут пойти продажи, стоит лишь подождать или предпринять какие-то дополнительные меры, как-то усилить рекламу или снизить начальную цену. Ни того, ни другого Иван делать не мог, да и не хотел. Вскоре он понял, что торги на бирже – это не его дело. В своем понимании он оставался, прежде всего, ученым, исследователем, врачом, который должен посвящать себя делу охраны людей, особенно в такое непростое для всех время. И он знал, как это делать. Не знал он только одного, где взять деньги на проведение таких работ. Институт, в котором он сейчас работал, к великому сожалению не имел таких возможностей. Платить ничтожно малую заработную плату своим сотрудникам – вот все, на что был способен бюджет института. Даже содержать коечный фонд в клинических отделах он сейчас не мог в надлежащей мере и все чаще поговаривали о том, что часть коечного фонда, а также отдельные лабораторные анализы придется проводить за счет больных. А тут обследование практически здоровых людей, да еще выездные, да использование профилактических средств, тех же витаминно-минеральных комплексов, да откуда найдутся такие деньги? Именно так все и объяснил заместитель директора Жуков своему коллеге профессору Белецкому при недавнем обсуждении проблем, связанных с развитием его лаборатории, да и вообще, направления в целом. Выходило так, что можно сидеть и ничего не делать, получая зарплату, но при этом ежегодно отчитываться о проделанной работе на ученом совете института. Это, конечно, было не приемлемо для профессора Белецкого. Он никогда еще не оказывался в таком глупейшем состоянии и, тем более, никогда не был бездельником.

Приведенные обстоятельства еще раз побудили Ивана к действиям. Он вспомнил название сказки «пойди туда, не знаю куда, принеси то, не знаю что» и одарил себя ироничной улыбкой, посмотрев однажды в зеркало, раздумывая о ближайшем своем будущем. И вот на днях

к нему позвонил Латов и пригласил его на встречу с неким господином, у которого есть определенные материальные возможности и который заинтересован в сотрудничестве с ними. Они встретились у гостиницы «Будапешт», где в ту пору снимал номер этот господин. По дороге в гостиницу Латов дал некоторые разъяснения по его поводу. Это был некто Дерюгин, промышленник из Сахалина. Там он владеет несколькими рыболовецкими шхунами, которые сейчас перестали приносить нужный ему доход, и он решил найти другой способ получения денег. Он привез с собой некоторые препараты и сырье в виде морских водорослей с тем, чтобы наладить здесь промышленное производство и их реализацию. За этим он и обратился к Латову, узнав, что именно он занимается химией биологических продуктов.

– Ну, а вы, уважаемый Иван Павлович, сможете организовать клинические испытания и регистрацию новых препаратов.

– Да, думаю, что это вполне возможно при условии необходимого финансового обеспечения, – уверенно заметил Белецкий, – у меня есть опыт такой работы и люди, к которым мы можем обратиться при необходимости. Однако, прежде всего, следует объяснить этому господину, все как есть и сколько это может стоить. Надеюсь, он не наивный человек и понимает, что создание и испытание с последующей регистрацией новых препаратов стоит немалых денег.

– При нашей первой встрече у меня сложилось впечатление, что это предприимчивый человек и не из бедных. Знаешь, как сейчас многие становятся богатыми? – заметил Латов.

– Догадываюсь, – ответил Белецкий с иронической улыбкой на лице, – только вот к нам с вами это совсем не относится, не так ли?

Латов согласно кивнул и постучал в дверь номера, где проживал Дерюгин. Дверь открыл хозяин номера. Перед Иваном стоял мужчина средних лет, плотного телосложения, с круглым лицом и кучерявой шевелюрой. Он протянул руку сперва Латову, затем Белецкому. Пригласил войти. В комнате находились еще двое молодых парней. Гостей пригласили к столу, где в большой глубокой тарелке находилась красная икра, крупная и лоснящаяся. Рядом стояли стаканчики, блюдца, ложки и в отдельной тарелке – белый хлеб. Все было по-походному, как это обычно бывает у командировочных и неженатых людей, привыкших долгое время бывать вне дома. Из холодильника достали бутылку коньяка.

– У нас, на Сахалине, первым делом надо достойно встретить гостя. Как встретишь, так и дела пойдут дальше. Прошу вас, угощайтесь, икорка своя, с моих кораблей, – предложил Дерюгин, разливая коньяк по стаканчикам и раскладывая столовой ложкой икру по тарелочкам, стоявшим перед каждым из гостей.

– Спасибо, Алексей Иванович, – заметил Белецкий, – у нас как-то не принято красную икру есть столовыми ложками.

– Ничего, это только начало. После разговора с Владимиром Константиновичем я тут размышлял о возможных перспективах, аж дух захватывает. Да сейчас, при нашем дефиците натуральных продуктов можно так развернуться. Потом познакомлю вас с моими расчётами, – восторженно продолжал Дерюгин, – сейчас самое главное определиться в позициях каждого, кто, за что будет отвечать, верно.

– Верно, – согласился Иван, а про себя подумал, что этот молодой человек обладает хорошей деловой хваткой и если это мнение не обманчиво, то может получиться совсем не плохо.

Они проговорили часа два, наелись вдоволь красной икры и выпили весь коньяк. Определили основные позиции нового проекта, возможные объемы производства препаратов, сроки и стоимость их регистрации, способы реализации и многое другое, что давало надежду на успех. Иван оставил свои координаты и просил Дерюгина найти время зайти к нему в лабораторию для дальнейших детальных переговоров.

Однажды в кабинете Белецкого раздался звонок. Это был его новый знакомый, профессор Михаил Сергеевич, дядя Латова.

– У меня для вас хорошая новость, Иван Павлович, – приподнятым голосом сообщил профессор, – мои друзья социологи и экономисты сообщили мне, что при правительстве Российской Федерации создан Государственный комитет по делам Чернобыля. Вы наверно знаете, что значительная территория Европейской части России загрязнена радионуклидами в результате осадков после аварии на Чернобыльской АЭС. Так вот. Еще тогда мы изучали эту проблему с точки зрения ущерба для населения, проживающего на этих территориях. А сейчас, когда вместо СССР возникло РФ, как его правопреемник, и в связи с изменениями жизни населения экономического порядка, возникла необходимость пересмотреть установленные тогда нормативы компенсации ущерба. Понимаете?

– Понимаю, уважаемый Михаил Сергеевич, – ответил Белецкий, хотя, в самом деле, он не совсем понимал, при чем тут он, – это все очень хорошо, но что я могу здесь сделать?

– Вы, дорогой мой, как врач, изучающий здоровье населения, проживающего в неблагоприятных экологических условиях, как раз и можете ответить на вопрос о величине ущерба для населения. Одним словом, я предлагаю вам посетить руководство этого комитета, познакомиться, объяснить важность ваших работ. Уверен, что в этом проекте для всех нас есть большое будущее. Володю я тоже возьму с собой. Если согласны, то завтра в 11 на нашем месте.

– Это где, – переспросил Иван.

– У той самой лавочки, где вы встретили меня первый раз, помните?

– Помню, конечно, а куда нам идти?

– Совсем рядом, на старой площади, в один из тех подъездов, которые раньше занимал ЦК КПСС. Буду ждать. До свидания.

Встретились в назначенный час как старые добрые знакомые и с широкими улыбками на их интеллигентных лицах отправились в нужный подъезд к дому на Старой площади. Они были воодушевлены предстоящими переговорами. Их принял заместитель председателя Комитета Старцев Петр Сергеевич. После краткого разъяснения сути проблемы, он предложил высказаться пришедшим по существу вопроса. И если предложения Михаила Сергеевича выглядели довольно четко и конкретно и были вполне понятны Старцеву, то участие Белецкого и тем более Латова требовали дополнительных разъяснений. Ведь Старцев не был медиком или биохимиком и сразу вникнуть в суть предлагаемых работ для оценки величин ущерба, равно как и обеспечение населения профилактическими средствами, как способ компенсации ущерба, оставались ему не совсем понятными. Тем ни менее Старцев с надеждой на последующее взаимопонимание попросил Белецкого и Латова составить пояснительные записки с изложением их предложений. Просил не затягивать с этим, так как в первых числах нового года могут быть реальные распределения средств и для того, что бы Комитет получил деньги под свою программу компенсации ущерба, нужны конкретные выкладки. Иван тогда понял, что это был деловой конкретный разговор, который мог открыть дверь в перспективное развитие его работ, и Латова тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.